ПИОНЕР

№ 9

П 29
34

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА» 1934 г.

ПИОНЕР

№ 9

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Май 1934

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА

Пионеры на первомайской демонстрации

23 мая будет ровно десять лет с тех пор, как советские пионеры приняли имя Ленина и стали называться юными пионерами-ленинцами.

За десять лет много пионеров стало комсомольцами и коммунистами, рабочими-ударниками, инженерами, учителями.

Среди бывших пионеров есть такие, которые с честью носят на своей груди ордена советской страны: бывший пионер, комсомолец Юдин, бывшая пионерка, член партии Северьянова, заслужили орден Ленина.

На первых трех страницах этого номера мы рассказываем о героях нашей страны: о Горбунове, который штурмом взял пик Сталина—высочайшую вершину страны, о летчике Бабушкине, о чудесном садовнике Мичурине... Рядом с их портретами мы поместили портреты пионеров.

Это те пионеры, которые твердо решили идти той же дорогой. Пионер-исследователь Митя Догадин пошел по следам большевика-исследователя Горбунова; пионер Витя Фидориков, запуская свой планер, учится быть Бабушкиным; Аннушка Воробьева, сажая южные растения на дальнем Севере, докаывает, что она ученица чудесного садовника Мичурина, хотя никогда его и в глаза не видела.

Мы рассказываем только о шести больших и шести маленьких. Таких, как они, у нас уже и теперь немало, а будет еще больше.

Шесть маленьких должны еще много, настойчиво и смело работать, чтобы стать такими, как шесть больших. Но нет сомнения, что они и многие тысячи других ребят будут бороться за честь пионерского галстука по-ленински, по-пионерски.

В день славного десятилетия на призыв партии и комсомола «Буд:те готовы к борьбе за дело Ленина—Сталина!» пионеры Союза твердо ответят: «Всегда готовы!»

И делом докажут, что они не даром носят великое имя Ленина.

Маленькие и большие

П 29
34

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 538

Пионеры на верблюдах

Под палящими лучами свирепого солнца медленно шагают верблюды. На верблюдах сидят ребята в войлочных шапках. Это первая пионерская экспедиция в Казакстан, организованная газетой «Колхозные ребята».

Одиннадцать лучших ударников учебы со всего СССР отправлены на поиски новых засухоустойчивых растений.

День за днем на верблюдах пробирается экспедиция через пустыни и горы, собирая семена.

Одним из лучших ударников экспедиции был Митя Догадин, ударник учебы валуйской ШКМ ЦЧО.

Экспедиция привезла 45 видов семян засухоустойчивых растений.

Прошел год. Снова Митя Догадин, в войлочной шляпе, с тяжелым мешком за плечами, отправлялся в третью всесоюзную экспедицию. Он уже сам руководил ребятами в сборе семян диких кормовых трав в Ивановоознесенской области.

Сто килограммов семян прислала экспедиция в научные институты.

На вершине Союза

В 1933 г. таджикско-памирская экспедиция проникла в самое сердце Памира—к загадочному пику Сталина, самой высокой вершине Советского союза. На высоту 7495 метров поднимает он свою покрытую шапкой вечного снега голову.

Почти по отвесной стене поднимались они вверх, вбивая в камень стальные крючья. Над бездонными пропастями они перекидывали веревочные лестницы. Кругом грохотали грозящие смертью снежные лавины.

Ветер закрутил над смельчаками снежную бурю. Четверо суток, без еды, сидели они в спальных мешках. До вершины осталось только полкилометра. На штурм пошли двое: большевик Горбунов и Аболаков. С трудом шли они вверх. Воздух был разрежен, так что через каждый шаг надо было делать четыре дыхания. Каждые десять шагов они падали на снег, чтобы отдышаться. И через восемь часов на четвереньках они подползли к вершине на высоте 7495 метров. Побелевшими от мороза пальцами Горбунов написал записку о новой победе строителей СССР и спрятал ее в жестянке под грудой камней.

Герой воздуха

На маленьком полуразбитом самолете Ш-2 летчик ухитрился подняться с льдины в лагере Шмидта. Через два часа он опускается в Ванкареме. Все с удивлением смотрят на самолет. На такой развалине мог прилететь только такой летчик, как Бабушкин, один из лучших летчиков Союза.

Бабушкину 41 год. Он участник гражданской войны. В 1928 году Бабушкин на самолете отправился искать разбившийся дирижабль «Италия». Летая в постоянных туманах, в пургу, одиннадцать раз сев на лед, Бабушкин вернулся, не сломав самолета.

У Бабушкина два ордена: Ленина и Трудового красного знамени.

От модели к самолету

Планы у Виктора Фидорикова такие: «от модели — к планеру, от планера — к самолету».

Одна из его летающих моделей была премирована на городской выставке «Умелых рук» в Таганроге. Три года работы в авиомодельном кружке не прошли даром.

Раз в неделю, по вечерам, Виктор собирает ребят младших групп. Он организовал из них авиокружок и передает им свой опыт. Скоро взовьются в воздух первые птицы учеников Виктора.

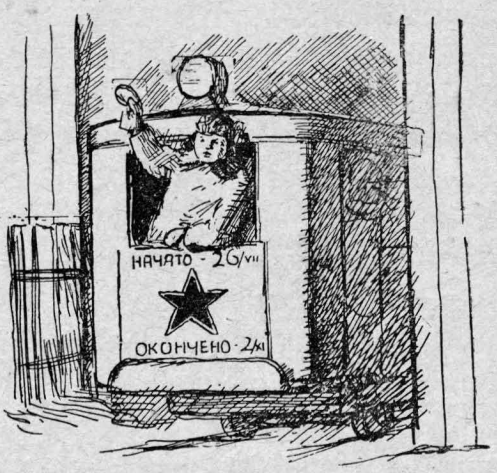
А Виктор хочет стать летчиком. И его настойчивость приведет его к настоящему самолету.

Сквозь пустыни Туркмении

Ночь в песчаной пустыне Туркмении. Издали слышен неясный шум. Он все громче и громче. И вдруг на высоте нескольких метров над землей быстро проносится огненная змея.

Это сверхскоростный поезд советского изобретателя С. С. Вальднера. Вагоны поезда соединены попарно и висят с обеих сторон рельсов, опираясь на них соединением. Поезд мчится со скоростью 250—300 километров в час. Ему нестрашны снежные заносы. Он пролетает над пустынями и пропастями, легко подымается в гору и так же легко спускается.

Первая линия аэропоезда строится в Туркмении.



Пионерская электродорога

Боря Смыслов, Ваня Федосеев, Петя Панов и Ваня Миронов — лучшие техники пионербазы завода № 8—решили сами построить электродорогу. Они долго сидели над проектом. С помощью замдиректора завода достали старые рельсы, металл, провода. Самое трудное было уложить путь. Но путь уложили, обитый фанерой каркас вагона поставили на колеса и установили мотор.

На вагоне надпись: «Окончена 2/XII 1933 г.» Вагон полон ребят, рубильник включен, а вагон не двигается с места. Оказалось, что мороз оледенил рельсы. посыпали их песком — и первый вагон первой пионерской электродороги двинулся по рельсам.

Уголок юга на севере

Пионерка Анна Воробьева заставила тыкву расти на Урале. Она принесла из школы семена и вырастила у себя на огороде 25 тыкв. После этого тыкву ввели в колхозе.

Анна Воробьева и другие школьники обвинской школы вырастили на своем школьном участке 50 новых южных растений. Школу не даром сейчас называют «уголком юга на севере».

Чудесный садовник

Он вырастил чудесную яблоню. С одной стороны у нее мелкие китайские яблочки, с другой—красные анисовые, с третьей — антоновка. В волшебном саду чародея растут виноград и персики, которые не боятся снега.

Чародея зовут Иван Владимирович Мичурин. Это знаменитый советский ученый. Ему 70 лет. У него два ордена: Ленина и Трудового красного знамени.

За свою жизнь он создал десятки новых сортов фруктов. Он приучал южные растения к северу.

„Отлично“—вот его отметка

— Сдаюсь! — сказал седобородый шахматист и положил короля. Его противник встал из-за стола. Он еле доставал до груди партнера: ему было двенадцать лет. Он играл второй год.

Теперь Онуфрию Шлопаку 16 лет, без одного поражения он пришел к званию лучшего шахматиста-школьника СССР.

Но быть шахматистом, не зная математики, не учась, нельзя. Онуфрий Шлопак не знает «удов». Даже «хор» его не радует. «Отлично» — вот его настоящая отметка.

Шахматный чемпион

Недавно один из сильнейших шахматистов мира, Флор, сражался с лучшим советским шахматным мастером Ботвинником.

Флор, кроме шахматов, ничем не занимается. Он живет только на доход от шахматов. Ботвинник — не только шахматист: он комсомолец, инженер, занят научной работой.

Три недели кипел бой на шахматной доске. И опытный мастер Флор не мог победить молодого советского мастера Ботвинника. Матч кончился вничью.

ИНЖЕНЕР ГИДРОЛЮБОВ СПРАШИВАЕТ:

Врет ли барон Мюнхгаузен?
Опоздает ли ледокол „Красин“?
Какой из двух месяцев молодой?
Какой промежуток больше?

Барон Мюнхгаузен и инженер Гидролюбов

Барон Мюнхгаузен, большущий враль и самохвал, рассказывает:

«Однажды, спасаясь от турок, попробовал я перепрыгнуть болото верхом на коне. Но конь не допрыгнул до берега, и мы сразбегу шлепнулись в жидкую грязь.

Шлепнулись и стали тонуть. Спасенья не было.

Болото с ужасной быстротой засасывало нас глубже и глубже. Вот уже все туловище моего коня скрылось в зловонной грязи, вот уже и моя голова стала погружаться в болото, и оттуда торчит лишь косичка моего парика.

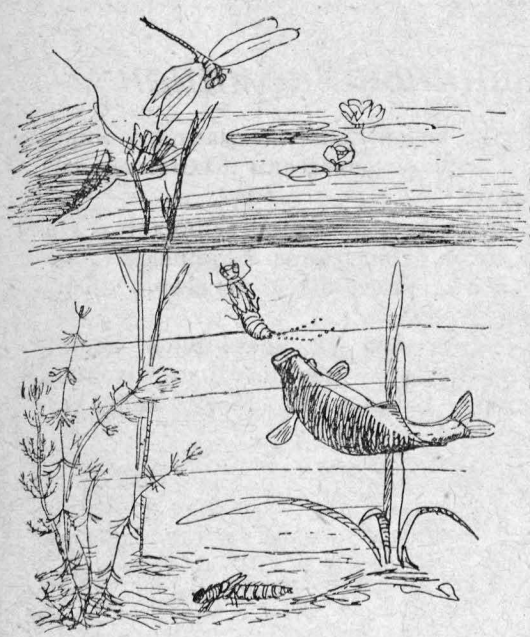
Что было делать? Мы непременно погибли бы, если бы не удивительная сила моих рук. Я страшный силач. Схватив себя за эту косичку, я изо всех сил дернул вверх и без большого труда вытащил из болота и себя и своего коня, которого крепко сжал обеими ногами как щипцами.

Да, я приподнял на воздух и себя и своего коня, и если вы думаете, что это легко, попробуйте проделать это сами».

Так рассказывал барон Мюнхгаузен.

Инженер Гидролюбов, прочтя рассказ Мюнхгаузена, задумался. Потом собрал ребят и задал им задачу:

— Мюнхгаузен поднял сам себя за волосы. Он, конечно, соврал. Но я знаю животных, которые двигаются примерно так же как Мюнхгаузен в болоте. И я уверен, что вообще можно двигаться, ни на что не опираясь. Что это за животные, и может ли тело двигаться, не имея никакой опоры вне себя?



Мюнхгаузен, конечно, соврал, но...

Ребята рассуждали:

— Это, конечно, не человек: он ходит, опираясь ногами о землю. Это не паровоз: он тоже опирается колесами о рельсы. Это и не пароход: он отталкивается от воды лопастями своего винта. Это, наконец, и не самолет: он тоже отталкивается от воздуха при помощи своего пропеллера. Нет такого тела, которое бы двигалось, ни на что не опираясь.

Гидролюбов начал издалека.

— Когда вы стреляете из ружья, ружье «отдает» вам в плечо. Когда вы стреляете из пушки, пушка откатывается назад. Это происходит потому, что при вылете снаряда из дула, по закону равенства действия и противодействия, само дуло отталкивается в противоположную сторону.

Точно так же летит ракета. Она быстро несется вверх вовсе не потому, что газы, которые образуются от горения пороха внутри нее, отталкиваются от воздуха. Ракета прекрасно летит и в безвоздушном пространстве. Здесь играет роль все тот же закон равенства действия и противодействия. Вот почему именно ракетный двигатель предполагают применить на межпланетном корабле: на его пути нет воздуха, обычному двигателю не на что опереться, и только ракетный двигатель, не требующий опоры, может нести корабль в безвоздушном пространстве.

Пользуясь все тем же законом равенства действия и противодействия, передвигаются многие водяные животные. Каракатица набирает воду в свою жаберную полость, а потом быстро выбрасывает ее через особую воронку. От этого она получает толчок в обратную сторону и передвигается, ни на что не опираясь. Примерно так же плавают в воде медуза и личинка стрекозы. Они похожи на барона Мюнхгаузена, который вытащил себя из болота, ухватившись за собственные волосы.

„Красин“ опоздает

Еду поездом в Москву и слышу:

— Что вы мне говорите! Неужели «Красин» опоздает?

Я вмешиваюсь:

— Да! И ровно на сутки. Скажем, рассчитывают пройти Беринговым проливом 20 мая, а пройдут 21-го!

— Да почему же?

— Да именно потому, что избрали этот путь на запад: Атлантический океан, через Панамский канал и вдоль Америки Тихим...

— Ну, а если б Суэцким каналом? Да вокруг всей Азии?..

— Ну, тогда бы выгадали денек, то есть ровно сутки. Ну, скажем, пришел бы к бухте Провидения 10, а не 11 мая.

— А можете ли вы, гражданин, свои слова доказать и за них ответить?

— Что ж, и отвечу!

— Да кто вы такой?

— Я? Инженер Гидролюбов.

„Не волнуйтесь! „Красин“ не опоздает!“

Вы, конечно, читали роман Жюль Верна о кругосветном путешествии на пари. Возвратясь в Лондон, герой романа считает, что он проиграл пари, так как опоздал на сутки. Но оказалось, что он, напротив, насчитал за время своего путешествия лишние сутки. Дело в том, что на разных меридианах время различно. Допустим, что на каком-либо меридиане полдень, т. е. 12 часов (среднего солнечного времени). В этот момент на меридиане на 15° к западу будет еще только 11 часов утра, а на меридиане на 15° к востоку будет уже час дня. Поэтому путешественник, двигаясь на запад, должен был бы, считаясь с местным временем, передвигать свои часы на 1 час назад против каждых 15° по долготе. В сумме всех поправок, когда путешественник об'едет кругом свет, то есть 360° по долготе, получится двадцать четыре часа: он просчитает ровно сутки. Противное получится при кругосветном путешествии в направлении на восток. Тут путник насчитает лишних 24 часа, то есть опять сутки.

Допустим, что два мореплавателя отправились вокруг света: один на восток, а другой на запад—и встретились в пути. Один из них до встречи просчитает полсуток, а другой насчитает полсуток, и в момент встречи у них будет разница во времени на одни сутки: они будут считать в один и тот же момент разные числа месяца. Скажем, один будет думать, что у нас среда 4 апреля, а другой—четверг 5 апреля.

Чтобы избежать этих несогласий, мореплаватели условились провести по Тихому океану линию, которую назвали «демаркационной». Эта линия почти совпадает с 180° долготы от Гринвича. И эта линия как раз начинается от Берингова пролива, куда теперь стремится «Красин». Мореплаватель, пересекая эту линию в восточном направлении (с запада на восток), пропускает одно число месяца. Подойдя к линии с западной стороны, например 1 апреля днем, мореплаватель считает со следующей полночи опять 1 апреля. Если же корабль пересекает демаркационную линию в западном направлении (с востока на запад), то при переходе линии прибавляет одно число, например: после 1 мая считает со следующей полуночи не 2, а прямо 3 мая.

«Красин», двигаясь в общем с востока на запад, пройдет, не пересекая демаркационной линии, до Берингова пролива, и именно тут, приближаясь к бухте Провидения, в судовом журнале «Красина» два дня будут записаны одним числом, чтобы согласовать счет календарных дней с челюскинцами.

Ясно, что от прибавки одного дня (вернее, суток: 24 часа) не изменится ни число оборотов машины, сделанных с момента выхода «Красина» в плавание, ни число ударов маятника корабельного хронометра, ни количество тонн сожженного в топках «Красина» угля, т. е. не изменится действительное время плавания. «Красин» придет к назначенному месту в свое время.

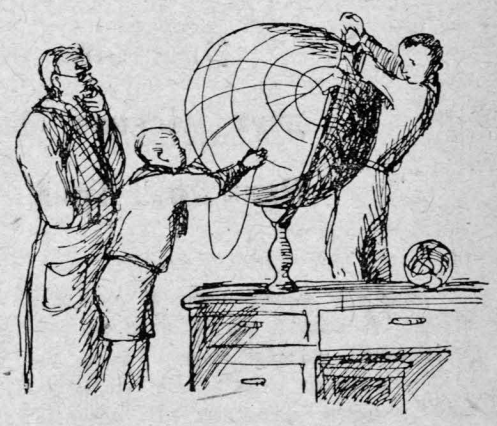
Земной шар и футбольный мяч

Земной шар и футбольный мяч плотно обтянуты железными обручами. Окружность каждого обруча мы увеличим на 10 метров. При этом обручи образуют промежуток между собой и земным шаром и футбольным мячом. В каком случае этот промежуток больше у земного шара или у футбольного мяча?

„Самая чуточка“ и „большой промежуток“

Эту задачу предложил инженер Гидролюбов юркиным товарищам, и они моментально решили ее.

— Что такое 10 метров по сравнению с окружностью земного шара, длиною в 40 000 000 метров? Пустяк! А что такое 10 метров по сравнению с окружностью футбольного мяча, которая еле-еле равна ¾ метра? Громадная величина!



Ясно: от увеличения на 10 метров первый обруч отойдет на самую чуточку от земного шара, а между вторым обручем и футбольным мячом образуется большой промежуток.

Тогда Гидролюбов предложил точно определить, чему равны «самая чуточка» и «большой промежуток».

Ребята начали рассуждать:

— Промежуток между земным шаром и обручем равен разности двух радиусов — после увеличения окружности обруча и до увеличения. Из геометрии известно, что радиус окружности (R) равен длине окружности (C), деленной на 2π (π—постоянная величина, равная 3,14...). Вот эта формула:

$$R = \frac{C}{2\pi}$$

Теперь остается в нее подставить числа вместо букв. Возьмем разницу между радиусами земли и обруча, и величина промежутка будет найдена:

$$\frac{40\,000\,000 + 10\text{ м}}{2\pi} - \frac{40\,000\,000}{2\pi} = \frac{10\text{ м}}{2\pi} =$$

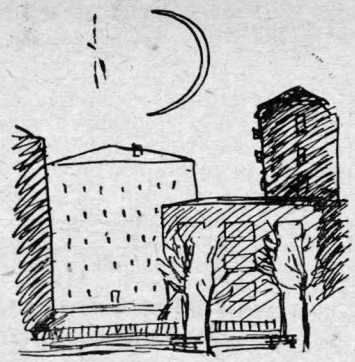
= около 1,5 м.

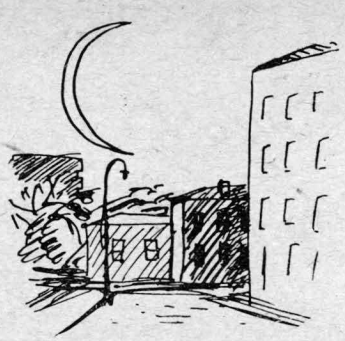
Проделывая то же самое с футбольным мячом, получим:

$$\frac{^3/_4 + 10\text{ м}}{2\pi} - \frac{^3/_4}{2\pi} = \frac{10\text{ м}}{2\pi} = \text{около } 1{,}5\text{ м.}$$

Оказывается, «самая чуточка» и «большой промежуток» равны между собой. У земного шара и футбольного мяча будет один и тот же прозор.

Если не верите геометрии, проделайте сами опыт, взяв тарелку, монетку и веревку. И вы увидите, что геометрия права.





МОЛОДОЙ МЕСЯЦ

Вот два рисунка лунного серпа.

Отвечайте, не задумываясь (в три счета!), который из этих двух месяцев МОЛОДОЙ: второй или первый? Ну-ка? Раз! Два!! Три!!!

Молодой месяц—первый, рожками налево. А второй месяц, рожками направо,—на ущербе. Может быть, вы живете в городе и не знаете, что молодым месяцем называют тот, который только что «родился» и прорезывается в вечернем небе тонким золотым серпом. Рожки молодого месяца всегда обращены в сторону ОТ СОЛНЦА (т. е. в общем, к востоку). Луна на ущербе бежит от солнца утром, и рожки ее всегда направлены опять-таки ОТ СОЛНЦА (в сторону, противоположную ему, к западу). Все это хорошо известно тем, кто привык смотреть на небо и радуется молодой луне. Но я встречал и взрослых людей, которые не могли быстро ответить на вопрос: этот месяц молодой или на ущербе? Должно быть, это потому, что луна нам примелькалась. У немцев и французов есть простое правило сразу узнать (если вдруг почему-то забылось): месяц молодой и будет расти или старый и убывает. Вот это правило и по-немецки:

Zunehmend Abnehmend

(возрастающий) (убывающий).

А вот по-французски:

Progresse Diminue

(растет) (убывает)

Вы видите, что все дело в том, какую букву можно сделать из месячного серпа, чтобы получить первую букву напоминающего слова: «La lune progresse» — луна растет.

По-русски тоже очень хорошо выйдет:

„Молодой месяц растет".

Это-то я придумал. А вот что сказать о месяце ущербленном, не знаю. Сказать

Растет

«Слабеет месяц», — как-то неловко...

Слабеет

«Луна дохнет»,—

тоже нехорошо, хотя один прославленный поэт и написал целую книгу стихов под названием «Дохлая луна». Ну-ка, ну-ка! Кто придумает лучше?

верно ли?

А вот отрывок из рассказа о морских приключениях, написанного одним юным автором:

«Мы вышли в море в полнолуние. Осеннее равноденствие с его штормами (их так и зовут «равноденственные штормы») оказалось верным себе. Заревел нордост. Солнце закатилось. Наступила жуткая тьма. Небо было ясно... Луна долго не всходила...»

Силько написано, но верно ли? Неверно? В чем?

автор—не колхозник!

Во всяком случае, ясно одно: автор рассказа о морских приключениях— не колхозник. Колхозники хорошо знают, чем замечательно сентябрьское полнолуние: не успеет закатиться солнце, а уж на небе луна светит, полная луна. Наши колхозники зовут сентябрьскую луну «пастуший месяц». Англичане сентябрьскую полную луну называют «луной умолота». Она удлиняет рабочий день: свет полной луны прямо сменяет дневной свет, и кажется, что день еще длится.

ЭКЗАМЕН

Лев Кассиль *Рис. Ф. Полищук*

Эпизод из киносценария «Кондуит» Льва Кассиля и Михаила Юдина.

Многие из вас, ребята, читали книгу Льва Кассиля «Кондуит». До того как выйти отдельной книгой, «Кондуит» печатался в «Пионере» (в 1929 году). Сейчас Лев Кассаль вместе с режиссером М. Юдиным закончили сценарий для звуковой кинокартины «Кондуит». Кинематограф и литература — разные искусства. И поэтому не все, что есть в книге «Кондуит», можно показать в картине «Кондуит». Но зато на экране вы увидете и много такого чего нельзя было разглядеть в книге. Одним словом, сценарий «Кондуит»—новое, самостоятельное произведение, во многом отличающееся от книги, как зритель отличается от читателя.

Здесь мы печатаем отрывок из сценария, показывающий экзамены в старой, царской гимназии. Вступительные испытания должен пройти Аркашка Пряхин, сын кухарки Аннушки. Его допустили к экзаменам из милости. Богатые дамы-благотворительницы решили осчастливить кухаркиного сына и устроить его бесплатным учеником. Аркаша сам подготовился дома с дешовым учителем и держит экзамен сразу в 3-й класс гимназии.

Большой и мрачный вестибюль гимназии. Колонны—холодные, невозмутимые, тяжелые, неприступные. Коридор, прохладный и гулкий, полон предэкзаменационного волнения. Мамы всех рангов и оттенков: чиновничьи половины, купеческие супруги, акцизные жены и благотворительные дамы. Несколько папаш со своими чадами. Толпятся маленькие, упитанные, напомаженные пареньки в русских рубашках, худосочные, золотушные малыши в тужурочках, барчуки в коротких штанишках, косматые ребятишки и — прилизанные, стриженые, со стригущими лишаями... Оглушенные волнением, сдавленные колоннами вестибюля, ждут несчастные отроки часа своего заклания. В уголках молятся втихомолку. Другие, пытаясь, как говорят, «надышаться перед смертью», лихорадочно зубрят по учебнику. Робкие хнычут, цепляясь за мамины юбки. Более спокойные тупо и безучастно ковыряют в носу...

Мамаши со своими чадами.

Отроки ждут часа заклания.

Достоинство сохраняет только привыкший ко всему гимназический сторож Мокеич, важный и влиятельный,— фигура, уцелевшая со времен русско-турецкой войны. Он мал ростом, но усы его огромны, и на мундире качаются медали. Он сидит у вешалки и, ловко орудуя спицами, вяжет чудовищный солдатский носок.

Мокеич „репетирует“ мальчонку.

Перед Мокеичем, почтительно и заискивающе улыбаясь, стоит некая мамаша. А из-за юбки смятенно выглядывает тщедушный, робкий малец. Мокеич важно «репетирует», «экзаменует» мальчонку.

— А ну,— говорит он строго, но доброжелательно,— коренные слова на ять знаешь? Которые через ё?

— Гнезда, звезды, седла, цвел, приобрел... — старательно бубнит мальчик.

— Знаешь. Ну, а на умножение таблицу затвердил? Дайкось я тебе в разбивку. Шесть разов семь, сколько это выйдет?

— Шестью семь тридцать семь...

— Правильно.

— Ну как?—интересуется мамаша.—Сдаст он у меня?

— Выдержит... Хорошо знает. Ты только к лысому норови не попасть. Строгий.

Иноходцем пробежал через вестибюль молодой вихрастый чиновник, нагруженный папками и журналами, и скрылся за дверью страшного экзаменационного зала.

В глубине, у колонны, рядом с мамой, кухаркой Аннушкой, сидящей на длинной казенной скамье, жмется Аркашка. Куцая рубашонка и потертые штанишки. Неподатливо топорщатся смоченные и приглаженные вихры. Глаза пугливо застыли, а широкий нос сопит и подергивается. И руки, очень неспокойные руки, теребят край ситцевой рубахи.

Загудел взбудораженный вестибюль. Аркашка повернул голову.

Торжественно спускается по лестнице...

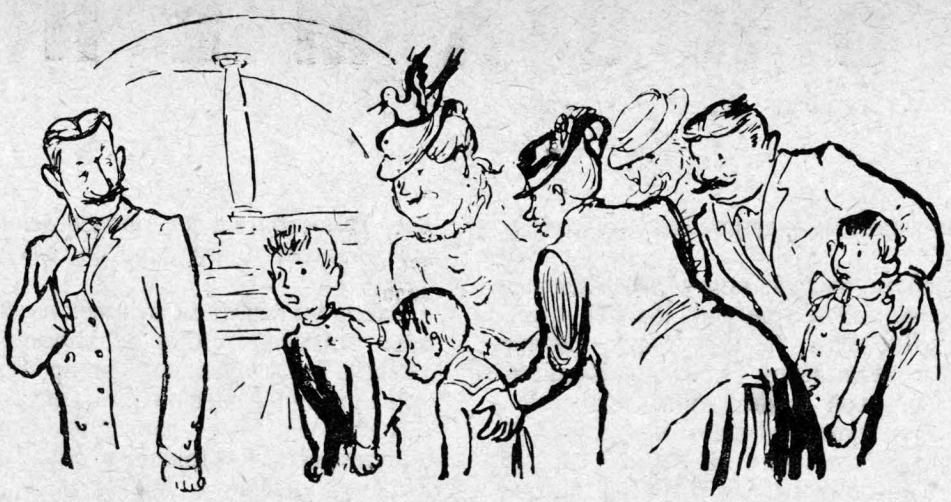
— Директор!

— Господин директор!..

— Директор идет...— зашептали в вестибюле.

Повскакали с мест, вытянулись, застыли папы, мамы и малыши.

Он высок, несгибаем, тщательно вытюжен, директор гимназии Ювенал Богданович Домолицкий. У него тяжелые, выпуклые, оловянные глаза. От них душно... Где-то, невидимый (за кадром), заплакал



Кланяются мамы, кланяются папы, кланяются ребята, подталкиваемые в затылок.

мальчик. Кланяются мамы, кланяются папы, кланяются ребята, подталкиваемые в затылок.

Изящным кивком, чуть наклонив голову, поздоровался директор с дамой, у которой целое птичье гнездо на шляпе, и рядом—сын, вислоухий губошлеп в ослепительно белом черкесском бешмете с игрушечными газырями и кинжальчиком. Будущий приготовишка хныкал. Мама вытирала ему нос батистовым платочком.

Открылась медленно огромная и страшная дверь экзаменационного зала. Вышел кривой и противный как баба-яга надзиратель гимназии Цезарь Карлыч. Желая казаться добрым шутником, хриплым фельдфебельским голосом рявкнул:

— Ну-с, молодые люди, пожал-те бриться...

И улыбнулся, хихикнув...

— Курочкин Венедикт!

Мамаша с птичником на голове всполошилась... У «храброго горца» в белом бешмете, еще не просохнув, снова взмокли глаза. Беспомощно оглянувшись, он идет в дверь.

Серенький, невидный, томится у колонны Аркашка. Обалдев от волнения, вспотев и измаявшись, он еле слышно шепчет:

— Перпендикуляр, восстановленный... нет... восстановленный из середины основания.

Вяжет свой чулок Мокеич, невозмутимый и добродушный. Чулок удлинился.

Вестибюль уже опустел наполовину. Душно, томительно в вестибюле, похоже на больницу. Там, за дверями, идет экзамен.

Снова открылась дверь. Опять вышел Цезарь Карлыч, надзиратель.

Медленно открылась огромная и страшная дверь экзаменационного зала.

Невозмутимый Мокеич вяжет свой чулок.

— Пряхин Аркадий,—безучастно провозгласил он.

Час пробил. У Аркашки подкосились ноги. Он осунулся и растерянно смотрит на надзирателя. Аннушка торопливо крестит Аркашку:

— Надежа ты моя, опорушка... выдержи, милый, выдержи, Аркашенька.

— Пряхин Аркадий,—слышится голос надзирателя.

— Ступай, ступай, сынок...

Дверь и потусторонняя тишина путь маленького Аркашки!

Бесконечно огромен зал. Огромен в глубине его стол, за которым восседает ученый синклит. Блестит паркет. Как длинен, как скользок путь маленького Аркашки.

Он подходит к столу, замирая от тоскливого страха, и застывает, подавленный холодным величием зала.

Со стены, из золотой рамы, опершись на палаш, взирает на Аркашку сам император и самодержец всероссийский Николай II.

А ниже, над сукном стола, галерея казенных физиономий, недобрых, лощеных, пышнобородых, усатых, тучных и костлявых... Мундиры, пуговицы, звездочки, ордена.

— Это... бесплатный, если не ошибаюсь?—брезгливо интересуется директор.

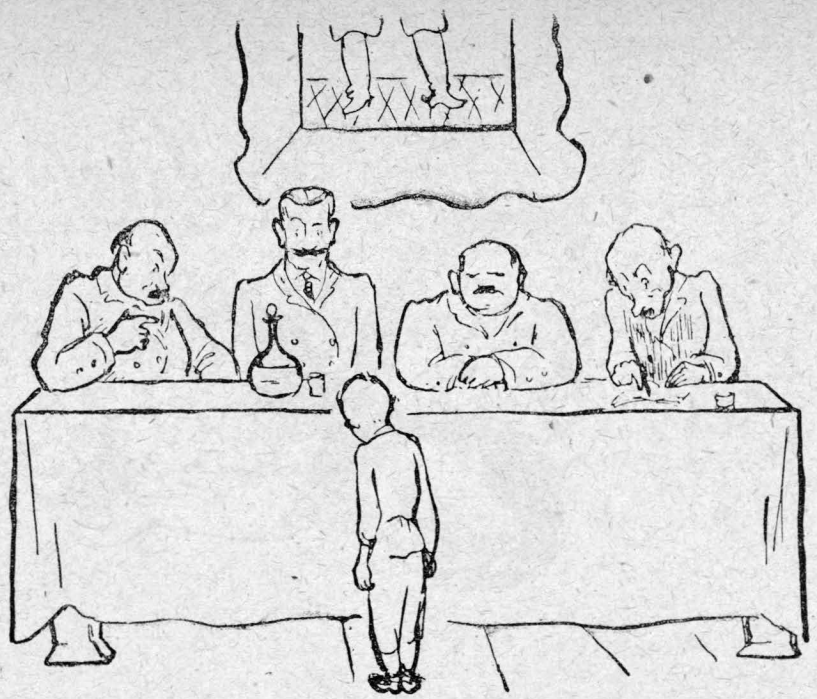
— Да-а-с... — протеже дамского комитета... Агнии Станиславовны. Ихней кухарки сын.

— Скажите какой!.. И сразу—в третий.

Директор пристально разглядывает Аркашку. Все смотрят на Аркашку. И царь на стене уставился на Аркашку.

— Ну-с, молодой человек... что вы нам скажете?.. Начнем-ка с математики, Владимир Васильевич!

Тощий и лысый математик про-



Аркашка подходит к столу, замирая от тоскливого страха, и застывает, подавленный холодным величием.

тягивает Аркашке кипу экзаменационных билетов. Он тасует билеты, как тасует колоду опытный картежник.

— Тяни.

Аркашка дрожащей рукой вытягивает билет и заглядывает в него.

А в вестибюле кухарка Аннушка... Сколько невыплаканных слез, недоеденных крох, переплаченных грошей домашним, приходящим учителям.

— Господи, владыка небесный... Помяни царя Давида и всю кротость его.

Страшно одинок маленький Аркашка в гулких просторах зала.

— Прекрасно, молодой человек, прекрасно... Ну-с, а скажите... дан, допустим, горизонт... Представляете себе? Степь, равнина, ковыли... легкие перистые облачка. Дорога манит вдаль. Мы с вами идем по этой дороге и вдруг видим в полном, заметьте, безветрии дым над линией горизонта. Спрашивается, что за геометрическая фигура?

Аркашка беспомощно молчит. Он моргает, мучительное напряжение сводит его лицо...

— Ну-с, так как же?—доносится словно сквозь туман голос математика.—Не знаете? А? Плохо соображаете.

Пелена слез заслоняет мир Аркашки... Расплылся стол с педагогами, двинулся, кажется, на Аркашку. Шатается мир, и пол уходит из-под ног.

Волнуется в коридоре Аннушка. И вот встрепенулась, бросилась к двери.

—Смилуйтесь! Провалился ведь окаянный... Перпендикулятор не выучил.

— Мама!.. Я...

— Батюшки мои!.. Что такое?.. Аркашенька!..

И снова открывается дверь, выходит надзиратель:

— Перепелицын Клементий!

И вдруг Аркашка бросился к двери, к надзирателю...

— Вспомнил! Я вспомнил, господин надзиратель... Пустите! Я знаю..

Перед самым носом захлопывается неумолимая дверь.

— Я знаю! Пустите сказать!.. Это перпендикуляр!..

Мокеич сочувственно чмокнул и поправил.

— Перпендикулятор!.. Вот...

Волоча и подбирая шлейфы тяжелых платьев, появляются, словно феи в сказке, дамы-благотворительницы во главе с пышной Агнией Станиславовной.

— Кормилица, матушка! — бухается в ноги Агнии Станиславовне Аннушка.—Смилостивитесь... провалился, ведь, окаянный... Перпендикулятор не выучил.

Агния Станиславовна царственно кивает головой. Аннушка бьется у ее ног в слезах. Раздавленный стрясшейся над ним бедой, всхлипывает Аркашка, шепча:

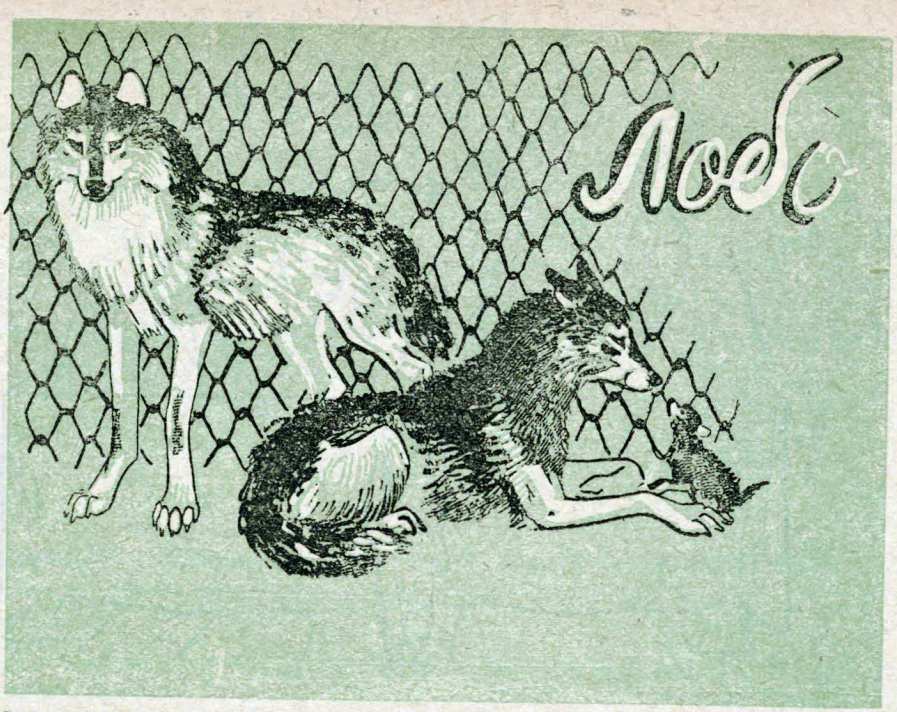
— Перпендикуляр же... перпендикуляр...

— Хорошо, встаньте,—милостиво говорит благотворительница.—Я попробую. Я поговорю.

И исчезает за дверью зала.

Невозмутимый и аккуратный, видавший виды и ко всему привыкший, вяжет чулок сторож Мокеич...

(Затемнение)



Рассказ Е. Румянцевой (Бывший член кружка юных биологов Зоопарка). *Рис. Д. Горлова*

Лобо родился в Зоопарке в мае 1924 года. Когда я первый раз увидела его, ему было около месяца. Он сидел со своей матерью, волчицей Дикаркой, в наружной клетке львятника. Это был щенок пепельно-серого цвета, с мутными синими глазками. Ушки у него были мягкие и опадали иногда в стороны. У маленьких волчат уши бывают полувисячие, а не торчат кверху как у взрослых волков. Когда волчата подрастают, хрящ затвердевает, и ушки встают прямо.

Отец Лобо был красивый, привезенный из Сибири волк кличкой Бобка-Сибиряк. Он отличался от других волков своей окраской: нижняя челюсть, горло и внутренние стороны лап были у него чисто белого цвета. Обычно у волков эти места окрашены в желтый, иногда даже в рыжеватый цвет.

Когда Лобо сменил свою темную щенячью шерстку, оказалось, что он от отца унаследовал белизну лап и шеи, а от матери—красивый серебристый окрас спины: на нем не было ни одного желтого волоска. Это был на редкость красивый волк, весь серебряный и белый.

Почти одновременно с Лобо родился другой волченок, которого назвали Арго. Родители его были Дружок и Старуха, оба крутолобые и коренастые, с рыжими ушами и лапами. Эти волки были пойманы взрослыми и давно жили в Зоопарке. Они хорошо ходили на цепи, знали и любили человека, который с ними занимался, и были вполне ручными. Незнакомые люди, однако, не могли подойти к ним близко: они кидались и рвали всех, кроме своего друга.

Таков уже волчий нрав. Волк слушается и любит только своего хозяина. Но чужие должны всегда остерегаться его. Он не упустит случая схватить и ни за что не даст себя погладить. Зато хозяину волк позволяет все. Дает вынимать у себя из пасти кость и даже сам приносит кусок мяса, как будто любезно угощает, чем может. Машет хвостом, визжит и прыгает, стараясь лизнуть в лицо, когда к нему подходит его хозяин, скулит, плачет и воет, когда его покидают.

Если волк видит, что его хозяина обижают, он обязательно заступится за него. Обидчика он запомнит надолго и при первом случае пустит в ход свои зубы, чтобы отомстить за хозяина.

Правда, иногда попадаются дурашливые волчата, которые идут ко всем. Эти хуже всего, потому что они никого не признают по-настоящему и иной раз могут прихватить зубами кого угодно. Дружба их ничего не стоит. Но, к счастью, таких волков мало, и обычно это—преданное и верное животное, подружиться с которым—честь и удовольствие.

Оба волченка: Лобо и Арго—были образцами всех волчьих доблестей.

Когда им исполнилось месяца по два, их за неимением места посадили в темный тамбур между дверями. Мокрый цементный пол, грязный и скользкий, отсутствие света и недостаток движения—все это привело к тому, что волчата стали слабыми и хилыми. Лапы их были искривлены рахитом, и на суставах были сильные утолщения. Грязная, клокастая шерсть, животы как барабан, тонкие шеи и большие головы придавали им неказистый вид.

Им исполнилось месяца по четыре, и молочные зубы их, мутные и прозрачные как стекло, только что начали сменяться настоящими—белыми и крепкими.

В это время я взяла на себя воспитание волченка Лобо. С другим волченком, Арго, стала заниматься Вера Чаплина.

Волчат перевели в другое помещение, более светлое и просторное. Почти каждый день брали мы их гулять по парку. В жаркие, солнечные утра, пока публику еще не впускали, волчата бегали и играли на горячем песке дорожек. От регулярных прогулок, солнца и свежего воздуха волчата сильно изменились. Из тусклой и шершавой шерсть стала чистой и блестящей. Исчезли наплывы на суставах, лапы выпрямились, движения стали свободнее и живее.

●

К зиме Лобо и Арго обросли пушистым, теплым мехом и сразу стали солиднее и внушительнее. Все далеко обходили нас, когда мы вели волков на цепях по парку. Если кто-нибудь подходил слишком близко, волк прыгал, звеня цепью, и зубы его лязгали сильно и звонко.

Мы с Верой очень любили наших питомцев и радо-

вались, что они становятся большими и сильными. Каждая считала своего волченка лучшим и гордилась им.

Я не помню, где в ту зиму сидел Арго. Лобо поместили в передних вольерах, во второй клетке от входа в парк. В первой клетке сидели лисы, среди них знаменитая Мурочка. Она очень часто снималась в кино, и ее даже стали называть Мэри Пикфорд.

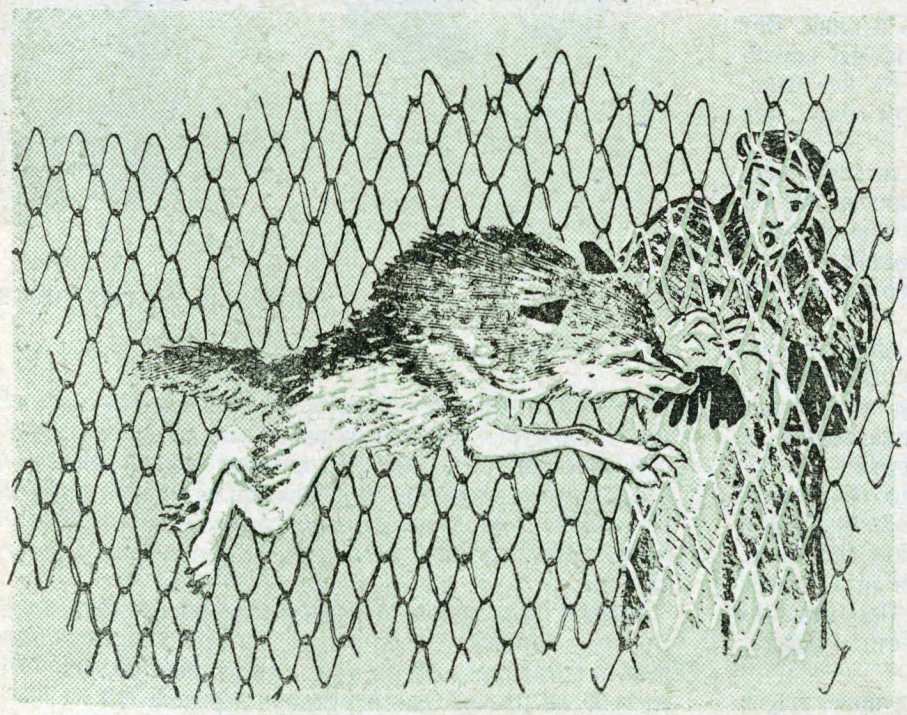
Мелкая сетка клеток передних вольер не была отгорожена от публики барьером. Посетитель подходил вплотную к решотке. В передних вольерах большей частью сидят птицы, и, кроме волков, там нет крупных хищников.

●

Есть люди, которые так устроены, что непременно должны подразнить зверя. Если можно, потыкать в него пальцами, или поплевать на него, или покричать.

На клетке, где сидел Лобо, были многочисленные надписи: «Кусается», «Не кладите пальцев на решотку». Но это нисколько не останавливало публику. Все подряд шли мимо клетки, держась за решотку. Некоторые крепко хватались за нее всеми пятью пальцами и трясли, стараясь разозлить зверя. Лобо стоял на метр от решотки и не смотрел на людей. Казалось, он внимательно рассматривает что-то на дальней дорожке, по ту сторону пруда. Потом раздавался крик, люди испуганно шарахались назад, и Лобо бросал на пол клетки перчатку, испачканную кровью. Прыжок волка всегда был так быстр и точен, что человек не успевал отдергивать пальцев от решотки. К концу дня обычно несколько перчаток валялось у него в клетке.

Не всегда дело кончалось только перчатками. Бывали случаи, что вместе с перчаткой в клетку Лобо попадали пальцы. Хватка волка настолько сильна, что от одного удара зубов палец отскакивал, словно отрубленный топором.



К концу дня несколько перчаток валялось в клетке Лобо.

Когда я подходила к клетке, Лобо прижимался боком к решотке и поднимал кверху свою серебряную голову так, что нижняя челюсть, горло и передние лапы составляли одну прямую линию,—это он просил, чтобы его почесали и погладили. Больше всего он любил, когда ему чесали за ухом. Иногда он брал руку зубами и держал ее, как будто просил остаться с ним подольше. Ни разу за все время Лобо не сделал мне больно. Он так осторожно касался руки своими страшными зубами, что не только царапин, но даже красного пятнышка не оставалось на коже. Когда его чесали, он стоял совершенно неподвижно, закрывая глаза от удовольствия и прижимая уши.

Волк в двух случаях прижимает уши: когда он ласкается и когда кусает. В первом случае голова его опускается, пасть растягивается почти до ушей,—у Лобо даже получались ямочки на щеках. Уши кажутся мягкими, концы их плотно прижаты к шее,—можно подумать, что они никогда не стояли.

Если же волк идет в атаку, на носу у него появляются продольные морщины, клыки обнажаются, уши ложатся назад, но они напряжены, и кончики их торчат кверху.

●

Лобо очень радовался, когда я брала его гулять. Он издали слышал звякание цепи, и тотчас уши его обмякали, глаза щурились, и, ласково скуля и подвывая, он начинал метаться по клетке.

Стоило только войти в клетку, и сейчас же лапы его были у меня на плечах, и влажный, теплый язык старался лизнуть лицо. Трудно было застегнуть на нем цепь, потому что он не мог стоять спокойно от нетерпенья и рвался поскорее из клетки. В саду он вел себя хорошо и скоро научился ходить на цепи, не натягивая ее. Иногда, припадая на передние лапы, он сильно тянулся к траве или к какому-нибудь месту на дорожке, привлекшему его своим запахом. Но в общем Лобо охотно шел туда, куда его вели, даже если что-нибудь интересовало его в противоположной стороне.

Лобо был настолько послушен, что его можно было водить гулять даже при публике. В дни, когда в саду бывало мало народу, я надевала на него металлический намордник и шла с ним на дорожку близ пруда. На этой дорожке почти никого не бывало. Как-то раз художник рисовал Лобо. Он сидел на складном стульчике, а я подпустила волка поближе, потому что он был в намордник и не мог укусить. Лобо потянулся и обнюхал его коленку. Потом, плотно прижавшись носом к ноге, прихватил кожу передними зубами и сильно, с повертом щипнул. Художник высоко подскочил, разронял все свои карандаши и бумагу, а складной стульчик сложился.

Меня заинтересовало: было это случайно или Лобо действительно умел щипаться. Я упросила нескольких человек погладить волка, говоря, что в намордник он неопасен. Каждого из них Лобо пытался ущипнуть, и два раза это ему удалось.

Зимой мы выпускали обоих волков в большой загон. Летом в нем гуляли страусы, а зимой он стоял пустым.

Арго и Лобо сидели в разных местах, но виделись часто, не забывали друг друга и были попрежнему дружны. Но вдвоем они редко играли. Гораздо интересней и веселей для них было повозиться с нами. У меня в то время была шапка, обшитая кругом пушистым мехом.

Едва я успевала ввести Лобо в загон и снять с него цепь, он сейчас же стаскивал с меня шапку, и, держа ее в зубах, носился кругами по снегу. Обращался с ней он очень осторожно и никогда не пытался рвать или трепать ее.

●

Раз как-то снимали волков для кино. Мы пустили их в загон и все время следили, чтобы кто-нибудь из них не подошел слишком близко к кинооператору. С'емка благополучно была закончена, аппараты унесены, и мы остались поиграть немного с волками. Дверь в загон открывалась с трудом: низ решетки был занесен снегом и, закрывая дверь, нужно было последить, чтобы она не отошла назад. Люди, вышедшие из загона с киноаппаратами, плохо затворили дверь, и она приоткрылась, образовав щель, сквозь которую волк мог легко проскочить.

Лобо издали заметил, что дверь открыта. Насторожив уши, он быстрым галопом направился к ней. Чтобы узнать, что его так интересовало, я посмотрела по тому направлению, куда он бежал. Увидела открытую дверь и успела обернуться как раз вовремя, чтобы схватить за хвост пробегавшего мимо волка. Мгновенно зверь обернулся и, сильно щелкнув зубами, ткнулся носом в мою руку. Он обернулся с намерением укусить, но, вовремя сообразив, что это я, успел захлопнуть пасть и, не удержавшись, с размаху ткнул меня мордой.

Если бы Лобо был домашней собакой, то, вероятно, он бы ушиб меня зубами. Собака вряд ли успела бы с такой быстротой сомкнуть челюсти. Она постоянно живет с человеком, чувства ее притупились, и она не так ловка и быстра как ее дикий родственник. Поэтому волк может оказаться безопаснее домашней собаки.

●

Однажды нас с Лобо пригласили играть в кино. Вот как это было. Межрабпомфильм ставил такую картину, где героиня ехала в санях по лесу. На нее нападают волки, и нужно было крупным планом снять, как ее рвет волк.

В Зоопарк приехал человек и просил дать для с'емки волка. Он слышал о Вере и обо мне и просил, чтобы волка сопровождала та из нас, которая повыше. Это потому, что героиню играла артистка высокого роста и надо было, чтобы публика не заметила, что вместо нее играет другой человек.

В назначенный день за нами в Зоопарк приехала машина. Я надела на Лобо намордник, потому что боялась, как бы он не изорвал кожаную обшивку автомобиля. Автомобиль был большой, но человек, приехавший за нами, испугался волка и сел рядом с шофером.

Лобо в первый раз попал на улицу. Но он привык слышать за стеной своей клетки гудки автомобиля и звонки трамваев и держал себя совершенно спокойно. Он поставил передние лапы на сиденье и всю дорогу смотрел по сторонам и принюхивался. Приехав, мы пошли прямо в парк, сели на лавочку и стали ждать, когда нас позовут.

Наконец приехали все, кто должен был приехать, и с'емка началась. Мне дали платок—покрыть голову и предложили одеть овчинный полушубок. Платок я взяла, но полушубок одеть отказалась. Я боялась, что запах овчины может возбудить Лобо настолько, что он перестанет слушаться и искусает меня сквозь полушубок. Взяв полушубок в руки, я протянула волку одну его полу. Несколько секунд он принюхивался, поднял голову, потом быстро прыгнул вперед—и клыки его свободно прошли сквозь толстую кожу. Я стала вынимать у него изо рта полушубок, но он крепко сжал челюсти, сощурил глаза и ни за что не хотел расстаться с предметом, который так приятно пахнул. Наконец, после долгих уговоров, мне удалось заставить его разжать зубы. Киноледи, стоявшие кругом, видели все это и не стали настаивать на том, чтобы я надела полушубок.

С'емка была летом, а нужно было изображать зиму. Поэтому дорожку перед аппаратом густо посыпали солью. Я встала на колени и передние лапы Лобо положила себе на плечи. Одной рукой я держала его за шею. Цепь я сняла, потому его все время приходилось держать руками. Другую руку я положила ему в пасть и за нижнюю челюсть крутила во все стороны его голову. Лобо старался освободиться, и получалось, будто он меня грызет, а я не могу вырваться.

Во время перерыва Лобо заинтересовался чем-то на песке дорожки. Он скреб соль передней лапой, вынюхивая землю, и был так занят, что я сняла с него цепь, а кинооператор поспешно стал накручивать ручку аппарата. В трех шагах от аппарата Лобо разыграл целую сцену: рыл землю, нюхал ее и подконец даже повалялся. Когда с'емка кончилась, мы сели в автомобиль и поехали домой, в Зоопарк.

Лобо и Арго, рыча, защищали своих детенышей.

●

Этот день был необычен для Лобо, и он так устал, что как будто даже был рад вернуться в свою клетку. Я приехала домой поздно и увидела, что на диване у нас лежит маленький черный щенок, завернутый в красноармейскую гимнастерку. Это был эрдель-терьер Мак. Его в этот день привезли из питомника Красной армии. Мак был очень мал, он не умел еще есть, и я в свободное время возилась с ним. Когда я приходила к Лобо, он вынюхивал меня внимательно и был недоволен, что от меня пахнет собакой. Волки так же как и собаки очень ревнивы. Они не любят и сердятся, если хозяин погладит кого-нибудь другого. Я решила передать Лобо на попечение Лели Ильиной, которая тоже была членом кружка Юных биологов Зоопарка. Лобо знал ее раньше и любил ее. Она стала водить его на прогулки и играть с ним. С ней он был так же осторожен и ласков как и со мной.

Один раз она сидела с ним на скамейке, недалеко от входа в парк. С Лобо был снят намордник, потому что ему должны были принести яблоко. Публика шла мимо, но волк равнодушно пропускал всех. Ему было запрещено бросаться, и он спокойно сидел на своем месте. Но волк был кроток лишь до тех пор, пока его не трогали. Проходящая мимо девочка махнула на него рукой, и мгновенно Лобо схватил ее. Он не слушал Лелю, и сквозь толстый рукав пальто зубы его смыкались все сильнее и сильнее. Рука девочки была бы изуродована, но Леля вставила пальцы между передними зубами зверя. Лобо продолжал держать руку, но челюсти его перестали сжиматься. Он почувствовал у себя в пасти ладонь пальцы и боялся укусить ее. Девочка вынула руку из рукава. Пальто оставалось в зубах у Лобо. Леля успокоила его и взяла пальто. Оно было совершенно цело, волк даже не прокусил его. На руке у девочки остались большие синяки, как будто она прищемила руку дверью,—так сжал ее Лобо своими сильными челюстями.

●

Я стала реже навещать Лобо. Но он не забывал меня и как прежде радовался и махал хвостом.

В это время его перевели на новую территорию, на Остров зверей. С ним вместе были его сестра, Дикарка вторая, и Арго. Брать волков из загона на Острове было неудобно, и Лобо перестал ходить на прогулку. Но он не очень страдал от этого, потому что жил в просторном, большом загоне, а не в тесной клетке.

У Дикарки родились волчата. Неизвестно было, кто их отец: Арго или Лобо. Оба волка относились к ним хорошо и, когда волчата подросли, кормили их мясом. После того как Арго и Лобо с'едали свои порции, волчата начинали приставать к ним, обнюхивали их морды и хватали за губы. Тогда волк срыгивал часть проглоченного им мяса, уже разрезанного на куски его зубами и отчасти переработанного желудочным соком. Волчата набрасывались на это мясо и с жадностью поедали его.

Однажды из соседнего загона к волкам пробрались молодые медведи. Волчата в страхе отступали к самому краю рва, они поджали хвосты, и шерстка их стала дыбом. Медведи пытались поймать их, но оба волка: Лобо и Арго,— рыча и оскалив зубы, защищали детенышей. Они бегали перед волчатами, и медведи не решились напасть на них. Они знали, что волки будут драться серьезно, и отступили перед их клыками.

Волчата выросли и стали взрослыми. Сначала они побаивались старших волков, но, возмужав, почувствовали свою силу и перестали уступать им.

Лобо постарел и однажды был сильно искусан в драке молодыми волками. Окровавленного, с глубокими ранами на спине, его вывели из загона. Но волк—сильное животное, и раны у него все зажили. Пускать его обратно в загон было нельзя. Волки, которые один раз изгрызли его, обязательно должны были опять на него наброситься. Но он так скучал один, что решено было попробовать соединить его опять с ними. Лобо был пущен в загон, и в ту же ночь волки разорвали его.

У меня в комнате висит его портрет: большая голова с раскрытой пастью и прищуренными, улыбающимися глазами. Много хороших минут провели мы вместе, и я часто вспоминаю о нем как о своем близком друге.

●●●

НЕСЕМСЯ ВИХРЕМ ПО ВОДЕ

Инж. А. Абрамов
Рис. К. Кузнецова

„Уницикл" проходит 200 километров в час.

Гоночные самолеты пролетают почти 700 километров в час.

Автомобиль отчаянно гонится за своим воздушным соперником. И гоночные автомобили мчатся со скоростью больше 400 километров в час.

И мотоциклы, и дирижабли, и паровозы, и аэросани—все делают больше 100 километров в час. Даже трамваи могут так быстро двигаться. Наш молодой изобретатель Ярмольчук придумал очень интересный поезд. Он катится вместо колес на шарах. Так и зовется он: шаропоезд.

На поезд, правда, совсем не похож, скорее на гусеницу. Только хороша гусеница: «ползет» по 300 километров в час.

А один американский изобретатель рассудил так. В телеге четыре колеса. В автомобиле тоже четыре. А есть автомобили трехколесные. И детские велосипеды трехколесные. У настоящих велосипедов два колеса. У моторных велосипедов — мотоциклов — тоже два. А можно меньше? Ну уж меньше одного не сделать. Разве поедешь на полколесе? Вот на одном колесе—другое дело. Только, пожалуй, на колесе не удержишься. Это только цирковые акробаты могут. Нужно в колесе попробовать. Попробовал — и вышло. Посмотрите, какую чудную штуку он построил. Хоть и чудная, а ездит здорово. Называется «Уницикл» — это означает: «одноколесный».

На внутренней раме «Уницикла» четыре ролика. Мотор вращает нижний ролик, который приводит в движение наружное большое колесо. Водитель, конечно, не крутится в колесе, потому что вся тяжесть (мотор и седок) находится внизу. Только когда он трогает с места и поднимается на гору—рама немного под'езжает вверх. «Уницикл» еще не усовершенствован, но проходит уже 200 километров в час.

Все быстрее и быстрее мы двигаемся. Будто все длиннее и сильнее становятся наши ноги. А когда полетят ракетные аэропланы, они разовьют скорость в 1000 километров в час. А потом еще больше.

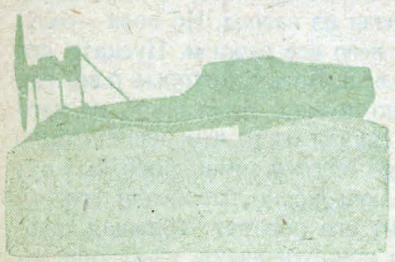
От Москвы до Владивостока поезд идет 12 дней. На ракетном аэроплане можно будет пролететь в 9—10 часов.

А пароходы?

Даже говорить о них неохота. В самом деле: лошади их обгоняют, собаки обгоняют, велосипедисты обгоняют. Даже зайцы за ними поспевают.

Обидно, право: огромная махина в четверть километра длиной, силой в 100 000 лошадиных сил, а одну длинноногую заячью силу обогнать не может... Вот так пароходы-силачи!

В чем же дело?



Глиссер скользит по воде как на коньках по льду.

Говорят, пароходы плывут «по воде». Верно ли? Нет. Скорее, «в воде». Ведь очень большая часть парохода в глубине, именно «в воде». И приходится пароходу расталкивать массу воды. Вода сопротивляется. И почти вся сила машин идет на то, чтобы растолкать, раздвинуть воду.

Пробовали силой взять. Построили в Америке лодку «Охэка». Поставили на ней огромной силы моторы. Они пожирают 450 литров бензина в час. Идет лодка по морю и чуть ли не целое море бензина сжигает. Моторы на ней—мощностью больше 4000 лошадиных сил. А одну человеческую силу на велосипеде эта лодка не обгонит.

Всего 60 километров в час добились от нее.

Значит, одной силой не возьмешь.

Французский инженер Реми решил иначе попробовать: идти по самой поверхности воды. Скользить как на коньках по льду. Построил Реми совсем плоскодонную лодку, Чтобы в воду не забираться, поставил на ней воздушный винт (пропеллер). И сразу оказалось, идет дело почти 100 километров в час прошел.

По-французски, скользить—глиссе. Поэтому и назвал Реми свое новое судно «глиссер» — скользитель. Это—французское слово. Надо говорить не глиссер, а глиссёр.

У глиссёра не просто плоское дно сделано. Этого еще мало оказалось. Главное—у него на дне выступ. Называется: редан. Перевернуть глиссер—дно ступенькой.

Не будь ступеньки, глиссера не было бы. Сначала глиссер сидит в воде как лодка. Когда разгонится, вода словно жмет на плоское дно. Жмет и немного приподнимает спереди. А этого только и надо. Под ступеньку попадает воздух, и весь глиссер, как говорят, «выходит на редан». Только самый конец кормы да выступ—в воде, а весь он—в воздухе. На полном ходу под дно глиссера можно рукой залезть, сухой останется. Результат—больше 200 километров в час.

Еще по одной причине глиссер очень важное изобретение. Раз скользит по воде, значит, очень мелко сидит. Действительно, большой пассажирский глиссер погружается в воду всего на 10—15 сантиметров. Где маленькая лодка застрянет на мели, глиссер свободно проскользнет.

Глиссеры бывают не только с воздушными винтами. И с водяными тоже. Когда винт в воде, нужно меньшую силу мотора. Но зато большую глубину. Такие глиссеры плавают по морю.

У нас, в Союзе, очень много мелких речек. Чтобы организовать по ним удобное сообщение, мы строим глиссера с воздушными винтами — победителей тины, мелей и расстояний.

●

Мы можем смастерить модель глиссера с воздушным винтом и, конечно, с резиномотором.

Об'яснять устройство не нужно. Уверен, что и так прекрасно поймете. Берите инструменты и — за работу.

Корпус глиссера из двух досок. Верхняя — длиной 52 сантиметра, шириной—11 сантиметров и толщиной—1 сантиметр. Нижняя—той же ширины и толщины, но только 25 сантиметров длины. Подбейте ее у конца длинной доски, и получится редан. Там, где сходятся обе доски, обстрогайте нос. К корме корпус сделайте поуже, а самую корму срежьте наискось.

Теперь добрались мы до самой сложной работы. Нужно сделать пропеллер.

Вырежьте деревянный брусок длиной 20 сантиметров, шириной 2 сантиметра и толщиной 1½ сантиметра. Лучше всего, если бы удалось раздобыть для бруска кусок липы. Липа очень мягкая, из нее легко вырезывать. Если не достанете липу, можно взять сосну. Только не берите твердых пород: березу, дуб, а то не вырезать—замучаетесь.

Прежде всего заготовленный брусок нужно разметить. Отмерьте линейкой середину и проведите вокруг планки карандашом черточки. Теперь постепенно вырезайте. Сначала срежьте дерево с одной стороны, потом—с другой—готова одна лопасть. То же самое сделайте с другой стороны планки.

Остается закруглить лопасти, проткнуть шилом отверстие для оси, и пропеллер готов.

Еще надо сделать ось с крючком на конце и можно браться за сборку. Ось сделайте из проволоки длиной в 6 сантиметров. Можно взять проволочную скрепку для бумаги, разогнуть ее и выпрямить молотком. Хорошая ось выйдет из разогнутой английской булавки.

●

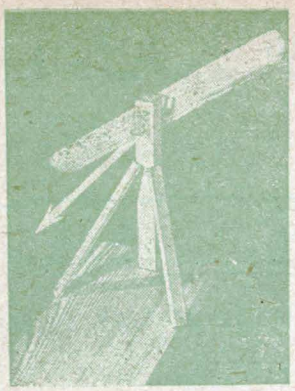
Мотор натягивается между двумя столбиками 1½ × 1½ сантиметра толщиной. Тот столбик, на ко-

Корпус из двух досок.

У глиссера дно ступенькой.

Вот так, постепенно из бруска вырезают пропеллер.

Наша модель глиссера.



Столбик надо укрепить подкосами.

тором укреплен винт, длиной 12 сантиметров, а передний — 11 сантиметров.

Подшипник для винта можете сделать так: на 1 сантиметр ниже конца столбика проткните дыру значительно больше толщины оси. С обеих сторон этой дырки прибейте жестяные пластинки $1\frac{1}{2} \times 1$ сантиметра. В центре их проколите шилом отверстия по толщине оси и... уже готово. В таком подшипнике ось очень легко вращается.

Столбики нужно прибить снизу. Поставьте столбик с пропеллером, отступя на 1 сантиметр от среза кормы, и обведите карандашом. Снимите столбик и в середине отмеченного квадратика вбейте гвоздь насквозь. Теперь выдерните его, забейте в это же отверстие снизу, а потом поставьте столбик на место и забивайте до конца. Таким же образом прибейте другой столбик на носу для конца резиномотора.

Чертеж для руля.

Укрепляются столбики фанерными подкосами. Размер их 10×1 сантиметр. Столбик с винтом крепится двумя подкосами. Это потому, что при вращении винта он раскачивается, а два подкоса держат его крепко. Для переднего столбика подкос один: здесь нет качки.

Вот так надо закрепить резиномотор.

Всюду, во всякой машине, не должно быть ничего лишнего. Только то, что требуется для хорошего качества работы. В нашем глиссере можно было бы укрепить столбики всякими способами, но так экономнее всего.

И крепить особенно сильно подкосы не нужно. Надо рассудить, что они должны делать. Как говорят инженеры: «Как направлены усилия?»

Когда резина закручивается, она стягивает столбики. Значит, усилия направлены внутрь. Вот тут и ставим мы подкосы, чтобы столбики не сходились. А наружу никаких усилий нет. И крепить не нужно.

Подкосы достаточно врезать немного в столбики и в корпус. Да забить только по одному гвоздю в подкос, там, где он врезан в корпус. На фото отдельно показан способ крепления подкосов. Стрелка показывает, куда направлено усилие.

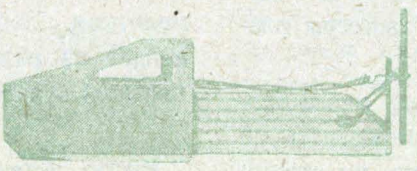
Осталась последняя работа—сделать руль. В настоящих глиссерах бывают иногда воздушные рули как на аэропланах. Это, чтобы не увеличивать глубину осадки в воде. Но чаще всего ставят руль обычный. Чтобы можно было проходить по очень мелким местам, руль делают откидным, на шарнире. Нам не стоит делать шарнира на руле, это сложно. Просто вырежьте из жести такую фигуру, как показано на чертеже, и обогните вокруг толстой проволоки.

В этом чертеже довольно трудно разобраться: в нем много размеров, и нужно быть очень внимательным. Лучше всего достать кусок бумаги в клетку, вычертить на ней, вырезать, и у вас получится выкройка-шаблон.

Для руля проделайте шилом отверстие в верхней доске, за столбиком винта. Вставьте руль снизу и изогните ручку. Вот он и без шарнира получился мелкосидящим.

Теперь можно испытывать. Поставьте резиномотор в 5—6 ниток 2×2 миллиметра и — на воду!

Глиссер гордо задерет нос и понесется вихрем.



Я ТОГДА БЫЛ ЕЩЕ ВОЖАТЫМ

(воспоминания доктора Звенового)

в галстуках по бульвару не ходить

Когда на Сретенском бульваре они поймали первого пионера 4-го сокольнического отряда, его били не очень долго.

— Тебя бьем для начала, для острастки, — об'яснил главарь банды.— Скажи всем ребятам, что если будете тут в галстуках ходить, обязательно будем больнее бить.

Пионер (теперь я уж забыл его фамилию, ведь было это десять лет назад, в 1924 г.) пришел в клуб без галстука и с синяками.

Четвертый отряд был организован не так давно. Ребята в нем были очень боевыми, и, когда их угощали ударом по затылку, они старались дать сдачи в двойном размере. Поэтому синяки никого не удивили, но отсутствие галстука показалось очень странным. Тогда пионеров было очень мало. Хорошо, если в школе из 500 — 600 ребят было 3 — 4 пионера, а уж если в группе было 3 пионера, то это считалось необычайным событием. Но зато не в пример многим нынешним пионерам тогда увидеть пионера без галстука было все равно, что встретить в трамвае гремучую змею. Поэтому-то так и поразились ребята 4-го отряда.

— Ничего, ребята, — успокоил их побитый пионер, — завтра и вы без галстука придете.

И он передал 4-му отряду малолюбезное предложение «банды» ребят-хулиганов—не ходить в галстуках по Сретенскому бульвару, а то будут бить.

А клуб 4-го отряда находился как раз по середине бульвара, и попасть в него можно было только через бульвар.

— Пусть бьют, а галстуки — не снимать! Позор для пионеров — из страха перед хулиганами снимать галстуки, — так единогласно решили пионеры 4-го отряда.

На сборы ребята ходили по 3 — 4 человека, и тому, кто опаздывал на сбор, приходилось, конечно, хуже всех, потому что он шел один. Но самое удивительное было то, что не было ни одного пионера среди 40 ребят отряда, который, проходя по бульвару, снял бы галстук.

Ребята предпочитали быть избитыми, но не позорили галстука.

Так продолжалось несколько недель. Бои из-за галстука становились все ожесточенней. Синяки заставляли ребят еще крепче держаться за отряд. И на перекличке всегда на все 40 фамилий был один ответ:

— Здесь!

гости слушали молча

25 января 1924 г., хотя и не был назначен сбор отряда, пионеров, как будто по невидимому приказу, всех потянуло в клуб.

Ощущение большой потери заставило их собраться вместе. Плечом к плечу с товарищами, каждый из них чувствовал себя тверже.

У самых крепких ребят, которые не плакали, когда их били до крови, глаза были красные. И ребята этого нисколько не стыдились.

Хотя ребята в этот день как и всегда проходили по бульвару, но ни один из них не был избит.

Пришел вожатый. И у него глаза были красные.

— Ребята, — глухим голосом сказал он, — не расходитесь. Скоро придет из ячейки партиец и расскажет нам о Ленине...

— Знаете что, ребята? — прервал молчание голос вожатого 3-го звена. — Я позову на беседу ребят с бульвара. Может, они придут...

И он ушел из клуба. Беседа уже началась, когда в клуб, прикрывая свое смущение громким разговором и смехом, вошла та самая «банда», которая избивала пионеров 4-го отряда. Синяки, разукрашивавшие и их физиономии, показывали, что пионеры 4-го отряда без боя не сдавались.

Пионеры почти не обратили внимание на странных гостей, и те тоже уселись и стали молча слушать беседу.

имени спартака—имени ленина

— Ребята,—сказал вожатый, когда «банда» ушла,— а почему бы нам не привлечь кое-кого из этих ребят в отряд? Уж если мы так крепко отстаиваем галстук, то я думаю, что сумеем переделать этих хулиганов.

Старая война между пионерами и «бандой» возобновилась, но теперь она была не такой ожесточенной как раньше

Стойкость пионеров заставляла некоторых членов «банды» относиться к ним с уважением. Да и пионеры, которые учились в одних школах вместе с членами «банды», старались с ними подружиться, рассказывали им об отряде, звали в гости.

Наконец, пришла первая победа: один из «банды» признался, что он хотел бы вступить в отряд, но боялся, что ему здорово влетит от старых приятелей.

Однажды четыре пионера вышли из клуба отряда держа в руках папки с маршрутами цепочек своих звеньев. Назначили экстренный сбор отряда.

Вечером того же дня, когда отряд стоял на линейке, вожатый сообщил ребятам важную новость:

— 2 мая каждый из нас получит почетное звание юного ленинца. В этот день московские пионеры от имени всех пионеров СССР выйдут на Красную площадь. Наше старое имя детской коммунистической организации имени Спартака — римского революционера, жившего две тысячи лет назад, мы сменяем на имя Ленина, величайшего революционера всех времен...

Немного еще говорил вожатый, он рассказал, какие обязанности накладывает на пионеров звание юных ленинцев.

До 2 мая оставались считанные дни. У ребят хлопот было погорло. Звеньями и отрядами они изучали маршировку на бульваре. Дома происходили бесконечные стычки с матерями и сестрами из-за шитья формы: то трусики длинны, то карманы на блузе не так нашиты и т. п. В клубе ребята ремонтировали отрядное знамя, перевивали барабан красными лентами... На сборах изучали биографию Ленина, говорили о том, какими должны быть юные ленинцы.

Даже враги 4-го отряда были заинтересованы необыкновенной деятельностью пионеров, и некоторые из них приходили на беседы о Ленине, которые отряд устраивал по школам для ребят.

главарь тщетно грозит

За день до 1 мая снова из клуба 4-го отряда вышли четыре пионера. Снова они отправляли по цепочке извещение, и снова вечером стоял отряд в строю и с изумлением слушал слова вожатого:

— Ребята, я должен вас поздравить с тем, что парад 2 мая отменяется...

От такого вступления вожатого рты у всех пионеров сами собой раскрылись, а глаза стали как чайные блюдечки.

— Поздравляю я вас потому, — продолжал вожатый, — что парад будет 23 мая, и его будет принимать XIII с'езд партии Ленина. Вот какая честь для пионеров! И я думаю, что на этот парад мы пойдем не одни, а с нами будут шагать и несколько новых ребят в красных галстуках. Вы знаете, о ком я говорю?

4-й отряд, готовясь к параду, развернул большую работу среди неорганизованных ребят, и теперь не так-то легко было бороться с отрядом. Тщетно главарь грозил своим прежним друзьям — отряд с его мастерскими, клубом, утренниками, походами за город был гораздо интереснее.

двадцать третье мая

Погода как по заказу: солнце ласково греет Москву. С утра на улицах небывалое для того года количество красных галстуков. Где-то рокочут барабаны, звучат горны.

Метко отбивая шаг, щеголяя новыми формами, шагают московские отряды на сборные пункты. И среди них идет и 4-й отряд. А среди него — в последней шеренге — в форме, с красными галстуками, которые они так ненавидели, шагает почти в полном составе «банда» Сретенского бульвара.

Солнце перебралось через самый высокий хребет дня и спускается вниз. На Красной площади начинается наводнение: в нее вливаются зеленые, синие, красные, серые реки — колонны пионеров. Еще заранее с выделенными старшими пионерами была устроена репетиция парада, и они быстро и четко разводят колонны на места. К трем часам на площади — десять тысяч пионеров.

Лицом к мавзолею великого вождя партии стоят юные ленинцы, и десять тысяч сердец бьются в такт, вспоминая его великую жизнь.

Сейчас выйдет с'езд. Медленно открываются ворота, и из них выходят делегаты XIII с'езда партии.

Все героическое прошлое партии большевиков, лучшие строители первой в мире Страны советов выстраиваются против третьего поколения революции. Соратники и помощники великого Ленина приветствуют будущих продолжателей его дела.

Как волны по бурному морю катится «ура» по пионерским рядам. Мимо них проходят лучшие люди партии. Вот сбоку, рядом с пионерскими колоннами, проходит улыбающийся товарищ Сталин.

Пионеры 4-го отряда чувствуют, как они становятся легче, точно у них вырастают крылья. И каждый из них про себя клянется быть достойным того великого имени, которое он получит через несколько минут.

Громкоговорители разносят короткие речи с мавзолея по всей площади. Каждый из ораторов рассказывает ребятам, какими большевистская партия хочет видеть юных ленинцев.

Представитель Центрального комитета комсомола об'являет о переименовании пионерской организации.

Далеко по всей площади видна седая борода на фоне алого галстука у старейшего большевика Феликса Кона. Взволнованно говорит он слова торжественного пионерского обещания.

— Я, —

и по взмаху красного флажка вся площадь говорит торжественные слова: Я... юный пионер СССР...

Пионеры Москвы от имени 200 тысяч пионеров СССР обещают твердо бороться за дело Ленина.

Потом 4-й отряд проходит мимо мавзолея церемониальным маршем: у всех ребят блестят глаза, им хочется громко кричать и смеяться. И когда четвертый отряд закричал:

— Да здравствует ВКП(б)! — показалось, что это прокричал один человек гигантского роста,—так дружно шли и приветствовали старых большевиков ребята.

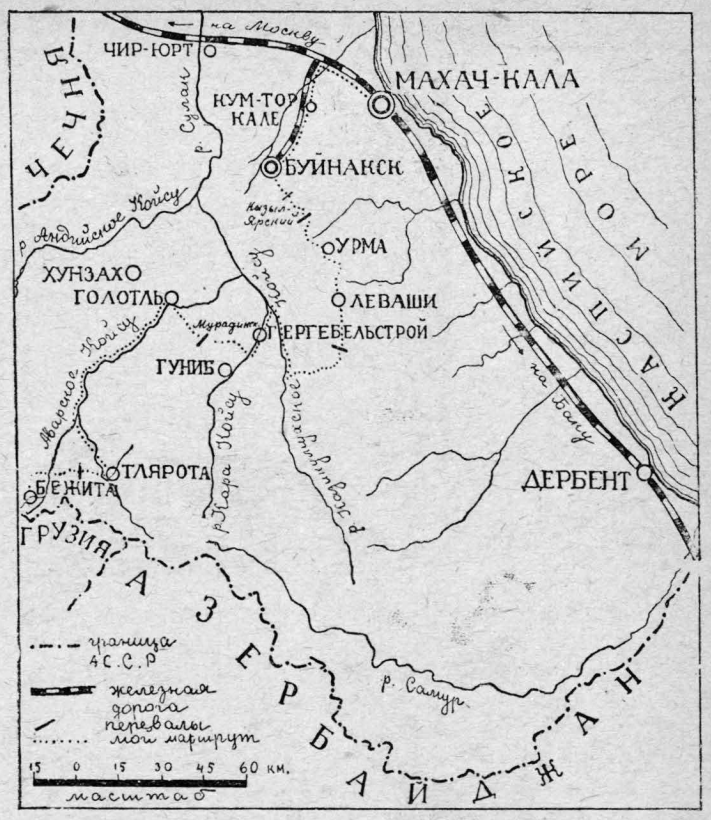
ПУТЕШЕСТВИЕ В ДАГЕСТАН

Заметки и рисунки художника Нины Машковой

Путешествие начинается еще в Москве, когда с опасностью опоздать на поезд ждешь трамвая с чемоданами в руках и мешком за спиной. Но рассказывать я начну только с Махач-Кала.

Здесь происходит встреча с морем. Здесь столица ДагАССР. Бывший Петровск-Порт, теперь «город Махача», новое имя свое получил в честь Махача Дахадаева, революционера и вождя дагестанской бедноты. В 1918 г. его убили белобандиты.

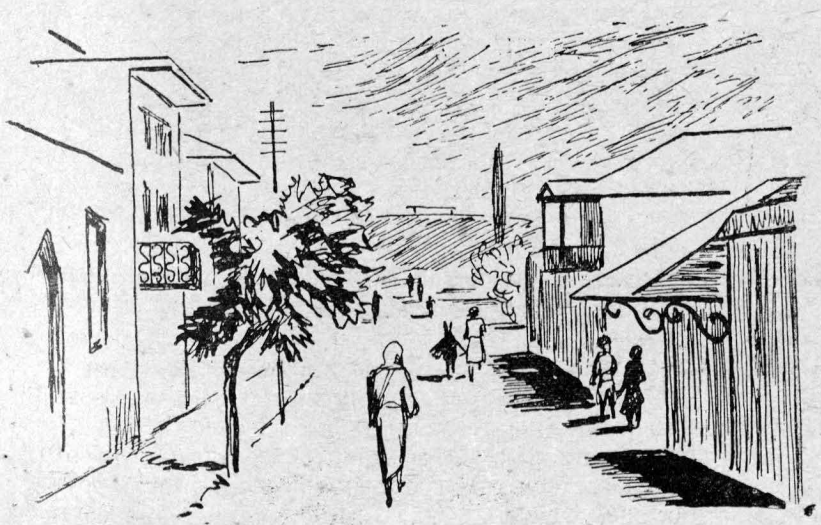
Город, названный его именем, растет и строится. Порт с каждым годом увеличивает грузооборот. Пароходы приходят из Баку, Астрахани, Красноводска. Они везут нефть, лес, хлопок. Иногда пароходы идут в Персию.



ЧУДО САХАРЫ

Из Махач-Кала идут специальные поезда на Буйнакск. Самое интересное по дороге туда—это, конечно, песчаная гора у аула Кумторкале.

В 60-х годах прошлого века путешествовал по России французский писатель Александр Дюма. Он побывал в этих краях, видел золотую песчаную гору и назвал ее «чудом Сахары в горах Дагестана». Дюма не ошибся, что родина горы—действительно пустыня. Ветры принесли пески и семена растений древней, теперь не существующей пустыни к аулу Кумторкале. Случилось это много тысяч лет назад, но ветры в этой местности с тех пор не изменились. Три ветра дуют здесь с разных сторон постоянно. В точке их встречи находится песчаная гора.

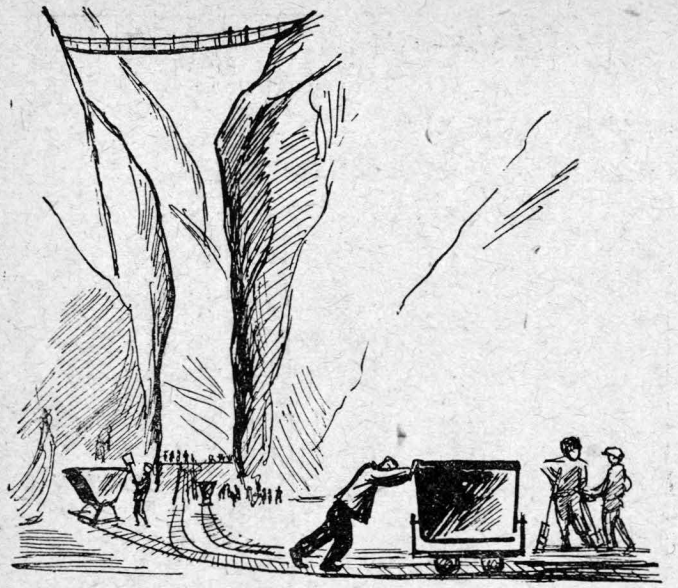


УЛЛУБИЙ БУЙНАКСКИЙ

Буйнакск, бывшая Темир-Хана-Шура, переименован в честь Уллубия Буйнакского. Этот замечательный человек был председателем дагестанского областного комитета большевиков и председателем военно-революционного комитета.

В июле 1919 г. он и с ним еще четыре товарища были арестованы и расстреляны правительством дагестанской буржуазии, находившемся в то время у власти.

Сейчас спокоен и залит солнцем этот город, названный именем героя. Но в годы гражданской войны он был ареной борьбы и много раз переходил из рук в руки. Наконец дело Уллубия восторжествовало, и в 1920 г. Красная армия советов заняла город окончательно.



РЕКА КАРА-КОЙСУ

В Буйнакске я и мой спутник садимся в грузовичок АМО и едем через горы в Гергебельстрой. Мы приезжаем поздно вечером.

Река Кара-Койсу течет здесь в котловине, между двух хребтов с отвесными вершинами. Эта котловина похожа на огромный цирк с двумя выходами. Один — узкое ущелье, через которое мы в'ехали, другой — еще более узкое ущелье на противоположной стороне. Там строятся сейчас плотина и гидроэлектростанция мощностью в 10 000 лошадиных сил.

Высота плотины будет 56 метров. Это даст большую силу водяной струе, которая устремится по напорному туннелю к турбинам станции.

ТРОПА ШАМИЛЯ

Цемент для стройки возят из Буйнакска на ослах— это 120 километров по горам, через 3 перевала. Автотранспорта не хватает. На той стороне ущелья, в скалах, прорублена узкая тропа. Местами она проходит по камням, заложенным в трещину. Эта тропа тянется до самого Гуниба. Иногда она удаляется от реки и поднимается вверх, следуя изгибам горы. Потом она спускается опять и проходит над самой рекой, по карнизу скалы, на высоте 40 — 50 метров.

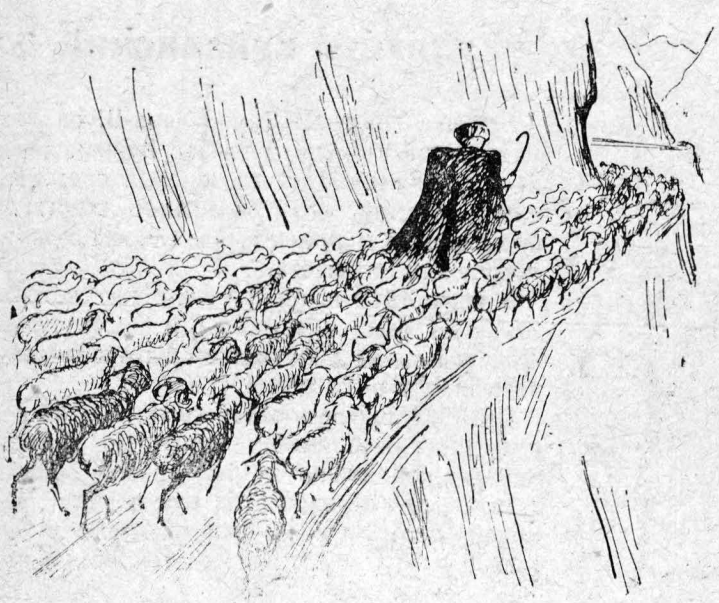
Это тропа Шамиля. По ней возили ему в Гуниб оружие и продовольствие, по ней проходили его джигиты.

Шамиль возглавлял борьбу горцев против русского царизма в течение 25 лет. В 1859 г. была взята его последняя крепость Гуниб, а сам он был отправлен пленником в глубь России.

РАССКАЗЫ СТАРИКОВ

Вот какие старики еще помнят Шамиля. В Дагестане не редкость встретить старика 100 — 120 лет. Много интересного может рассказать такой старик о прошлом страны.

Он расскажет, как Шамиль строил верховые тропы и мосты, организовал приготовление пороха, выплавку железных и медных руд, отливку пушек и изготовление ружей; как он умел выбирать себе помощников, таких же смелых и суровых, каким был сам. Но старик не расскажет об ошибках Шамиля. В конце своей деятельности Шамиль перестал опираться на бедноту, сблизился с богатыми беками и ханами, а они-то и предали его русскому генералу.



ОВЕЧЬИ СТАДА

Мы едем дальше, в глубь страны. Тихим звездным вечером садимся мы в почтовую машину. Фары освещают путь. Мы мчимся вдоль Кара-Койсу, переезжаем Салтинский мост и по зигзагообразному шоссе поднимаемся на Мурадинский перевал. Долго еще, оборачиваясь назад, мы видим электрический свет Гергебельского ущелья. Наконец,—высшая точка перевала, шофер выключает мотор, и в удивительной тишине, в легком тумане прозрачных облаков мы спускаемся петлями и зигзагами в долину аварского Койсу. В Голотль приезжаем ночью, спим прямо в машине, под буркой.

Наутро нанимаем лошадей и верхами трогаемся дальше.

Изредка мы встречаем всадников или пешеходов.

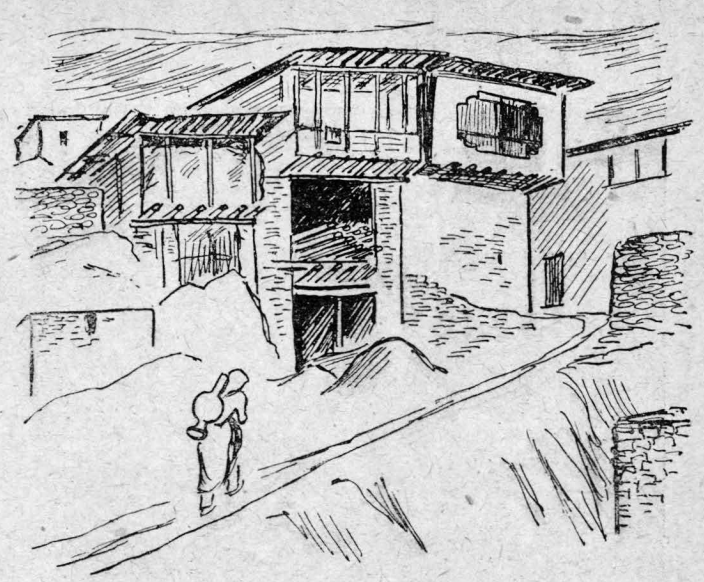
Стада коз и баранов перегоняются на зиму с гор на плоскость. Они текут по дороге сплошным волнистым потоком, и как дрейфующий корабль, вплавленный в лед, движется с ними пастух в бурке и с крючковатым посохом в руке.

СМОТРЕТЬ ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Чем дальше, тем красивее становится дорога. Появляются большие деревья на горах — приближается лесной район. У слияния двух рек мы переезжаем вброд аварское Койсу. Надо смотреть вперед, на неподвижный предмет, иначе кружится голова от бешеной гонки волн. Осторожно и уверенно переступает по каменистому дну привычный конь. Иногда волны захлестывают стремена.

На второй день верхового пути, вечером, мы приезжаем в Тляроту—центр высокогорного района.

Аул расположен по обеим сторонам маленькой горной речки. Мостики соединяют берега. Непрестанный шум воды сопровождает жизнь аула. И до чего же вкусна после дороги эта чистая, холодная вода ледникового потока!



ДЕТИ НА СПИНЕ

Тляротинский район считался отсталым, но сейчас молодые советские работники выводят его на уровень передовых. Партия посылала их учиться, и вот теперь они вкладывают полученные знания в дело создания нового, социалистического Дагестана. Но есть еще отсталый участок работы—это положение женщины. Правда, раньше женщина в Дагестане была рабой, а сейчас перед ней открылись новые пути. В Тляроте, так же как во многих других аулах, они учатся в ликбезе. У них есть прекрасный организатор Аминат Нахибашева, к которой они идут со всеми своими нуждами. Но по-прежнему тяжелый домашний труд лежит исключительно на женских плечах. Какие многопудовые тяжести носит здесь женщина! Она таскает с гор целые стога сена, которое она же сама собирает на горных лугах. После этого нести ребенка на спине — для нее уже не тяжесть!

РАМАЗАН, СЫН БАГАУДИНА

Вот Рамазан, сын Багаудина, он учится в педагогическом техникуме в Хунзахе и готовится стать учителем. Сейчас он на каникулах в Тляроте. Здесь уже есть школа, но строят новую, поблизости от аула. Рядом со школой уже работает больница — хорошее, светлое здание. Чистые полы, белые стены, высокие потолки. В приемной врача, на стеклянных полочках, разложены блестящие инструменты. Но самое замечательное, самая большая гордость больницы — это ванна. Сверкающая белизной эмалированная ванна! Она приехала сюда на носилках, укрепленных между двумя лошадьми. Лошади шли друг за другом по узкой горной тропе. Между ними висела ванна.

НАЗАД В МОСКВУ

Бежита — последний населенный пункт перед перевалом в Грузию. Часть жителей аула перекочевывает туда на зиму со всем скотом. Некоторые аулы, близкие к границе Грузии, пустеют на зиму совсем.

На обратном пути из Бежиты мы встретили целую семью кочевников. Лошадь, нагруженная доотказа, тихо брела по тропе. Сверху всех тюков, одеял и подушек был привязан маленький ребенок, который спал как в люльке в этой движущейся колыбели. Остальные члены семьи шли пешком, каждый с какой-нибудь ношей. Четырехлетняя девочка тащила большой, тяжелый чайник. Мы пожелали им счастливого пути, «нуж бихенги», они ответили нам тем же.

С высокого горного перевала мы в последний раз смотрим на главный кавказский хребет. Наш путь лежит назад, в Махач-Кала, в Москву.

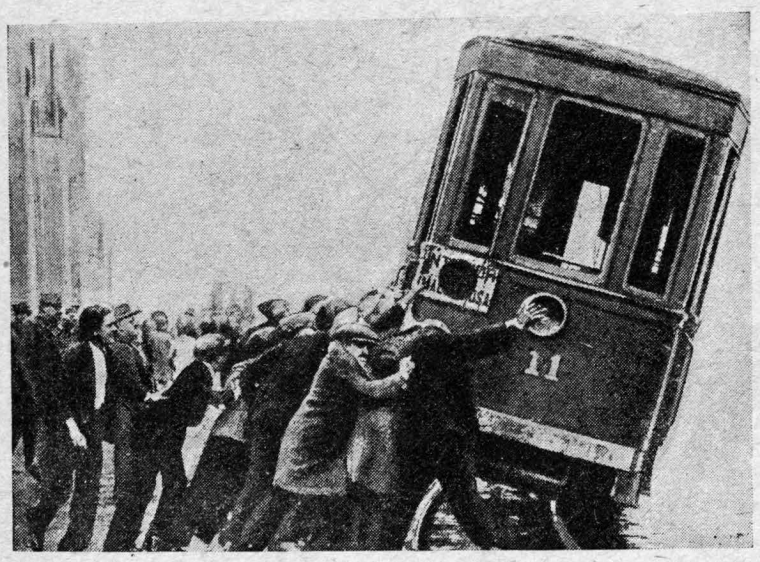
ИДЕЯ ШТУРМА ЗРЕЕТ В СОЗНАНИИ МАСС

Баррикады в Париже

Полиция в буржуазных странах вооружена до зубов. У полицейских есть и пулеметы, и броневики, и удушливые газы. Когда парижские рабочие выступили против фашистов, полиция помогала фашистам драться с рабочими.

Рабочие мужественно дрались. Коммунисты были в первых рядах. Чтобы преградить дорогу полицейским броневикам, рабочие устраивали баррикады. Баррикады—испытанное средство рабочих во время революций.

На снимке: парижские рабочие валят киоск. Он послужит материалом для баррикады.



Перегородить улицу

Прежде всего перегородить улицу! Свалить трамвай посреди дороги, прекратить движение в городе. Не дать возможности пройти танкам и броневикам туда, где забаррикадировались рабочие. Там, где легко пройдут рабочие отряды, застрянут орудия и автомобили. Так поступили рабочие Испании, когда выступили против фашистов.

Рабочие подымаются везде против наступления капитализма: во Франции, Австрии, Испании, Германии. Они еще не идут на последний, решающий бой. Предатели социал-демократы отвлекают их от борьбы, но идея штурма зреет в сознании масс.

Забастовка у автомобильного короля

На заводы автомобильного короля Америки Форда рабочие принимались с тщательным отбором. Тайная полиция Форда, узнав, что рабочий сочувствует революционной борьбе, немедленно выкидывала его за ворота. Поэтому Форд заявлял: «У меня на заводе никогда не будет забастовок», «Мои рабочие всем довольны».

Прошло немного времени, и его заводы остановились. Рабочие забастовали, протестуя против снижения заработной платы.

Форд призвал на помощь полицию, которая начала избивать и арестовывать рабочих.

На снимке: арест рабочего во время забастовки в Дейтройте.

К О Н В Е Й Е Р

Дубл. сер

В. Ардов

Рис. М. Горшмана

Школьный обед близился к концу. Ребята, сперва умолкнувшие за едой, снова начали гудеть все разом. Юра Кириллов как страус, не разжевывая, глотал картофель в сметане, чтобы скорее добраться до сладкого — кубического куска повидлы, лежавшего на той же тарелке с картофелем, с краешка.

К нему подсел его товарищ по 6-й группе Коля Пузырев, который уже пообедал.

— Юрка, — сказал Коля, — у нас сейчас будет контрольная по алгебре.

Юра, молча, с набитым ртом, кивнул головой в знак того, что помнит о контрольной. Коля продолжал:

— Ну так вот, ты мне дай списать, если решишь.

Юра перестал есть. Это предложение ему не понравилось. Что-то совсем не по-пионерски. Он сразу не ответил.

— Боитесь, значит, помочь товарищу. Так, что ли? — сказал Пузырев.

Это было совсем неверно. Юра хотел высказать все свои соображения, но тут к мальчикам подошла Ира Воскресенская из их же группы.

— О чем вы, ребята? — спросила она.

— Да вот гражданин Кириллов боится дать списать на контрольной. А называется «товарищ».

Юра вспыхнул:

— Ничего я не боюсь. Если ты такой дурак, что сам не можешь решать, пожалуйста, списывай.

— Такой, — хладнокровно отозвался Пузырев. — Спишу.

Ира посмотрела на обоих и, решив, что ей не стоит вмешиваться, убежала. Юра тоже повернулся, чтобы уйти. Но Пузырев задержал его:

— Погоди. Пойдем в класс, я тебе покажу все устройство.

— Какое еще устройство?

— Там увидишь.

В классе Колька стал об'яснять свой план.

— Ты сядешь сюда, — он указал на последнюю парту крайнего ряда, — я сяду здесь, через три парты впереди тебя.

— Так как же ты спишешь, когда я буду сзади?.. — начал было Юра, но Пузырев перебил его:

— Подожди, у меня все обдумано. Видишь, под каждой скамейкой внизу перекладина, чтобы ножки не расползались. Теперь вот у меня бичевка: мы обвяжем ею вместе все пять перекладин — и той скамейки, где ты будешь сидеть, и той, где я, и вот эти три между ними. Так. Видишь, теперь у нас получился конвейер. Крути веревку! Вот он узелок: он обошел все пять перекладин и опять пришел к нам.

— Ну и что же?

— А вот что, — и тут Коля вынул что-то, завернутое в материю. — Видишь? Это круглый пенал, завернутый в тряпки. Вчера целый час заворачивал, зато если упадет, не стукнет. Сейчас мы его прикрутим к веревке... Вот так... Теперь перебирай веревку... вот он у нас, видишь, как поехал?..

к Юрке подсел Коля Пузырев

— Чорт! Ловко! — восхитился Юра, несмотря на недоброжелательное в общем отношение к Пузыреву.

— То-то «ловко»! Теперь понял? В начале урока пенал будет около тебя. Как решишь, вкратце перепишешь решения, потихоньку суй в пенал и берись за веревочку... Пенал как миленький приедет ко мне. Здорово?

— Здорово! — откликнулся Юра с совершенным восхищением. Все его сомнения окончательно развеялись.

— Давай попробуем еще раз!

— Давай! Едет, едет... Замечательно!

— Тсс... Ребята идут.

В самом деле вся группа, оттуляв перемену, вваливалась в класс.

Юра и Коля потихоньку разошлись.

Шумное расхаживание, неизбежные игры, легкие схватки, хлопание учебников — все это несколько смягчено, потому что предстоит контрольная работа. Дозорный доброволец стоит у дверей. Наконец и он вбегает в класс и, садясь на место, кричит:

— Идет! Жоржик идет!

«Жоржиком» между собой ребята зовут учителя Георгия Владимировича, показывая этим свое к нему благоволение. И действительно, через полминуты после окрика дозорного входит в класс Георгий Владимирович.

Класс замирает.

Георгий Владимирович, положив журнал на стол, подходит к доске.

— Сегодня, стало быть, — говорит он, — у нас контрольная работа. Приготовьте ваши тетради и ручки (по классу проносится шелест раскрываемых тетрадок) и записывайте условия задач...

Георгий Владимирович берет в руки исписанный лист, вглядываясь в него и стуча мелом, выводит на доске ряды цифр и букв... В классе делается еще тише (если это только возможно). Георгий Владимирович, написавши на доске условия, садится за стол и что-то пи-

шет в журнале. Потом он встает, осторожно — чтобы не отвлекать внимание ребят от работы — задвигает стул и начинает гулять по классу, посматривая на учеников. Потом он садится рядом с Катей Морошкиной, которая сидит одна за средней из тех парт, что разделяют Юру и Колю. Таким образом, сам того не зная, он оказывается у подпольного конвейера.

Между тем Юра, решив задачи, в общих чертах набросал ход рассуждений и результаты на четвертушке бумаги. В целях конспирации, не подымая головы, он кладет этот листок в пенал, закрывает его и осторожненько начинает перебирать веревку. Пенал, покачиваясь, удаляется к Коле.

Юра улыбается удаче. Он подымает голову и вдруг видит через парту впереди себя Георгия Владимировича. Юра, захлебнувшись и похолодев, раскрывает рот. Руки его сами отпускают веревку.

Но уже поздно: почувствовав движение конвейера, Пузырев перебирает веревку в свою очередь. Приэтом он — тоже ради конспирации — не оборачивается.

С другой стороны,—Юра с ужасом видит это — Георгий Владимирович явно заметил существование и движение бичевки. Георгий Владимирович наклоняется и смотрит под парту. И в это-то время пенал, качаясь как челнок, проплывает мимо учителя и дальше, к месту назначения.

Георгий Владимирович молча следит. Юра в отчаянии. Он обеими руками хватается за плечо соседа.

— Чего тебе?

— Пе... пе... пе... пенал, — бормочет он. — Уви... уви... уви...

— Что за «уви»? Что тебе нужно?

— Уви... увидел!.. Пе... пе... пенал наш!..

Сосед сердито отмахивается, ему не до того.

А самоуверенный Пузырев перебирает веревку и шопотом хвастается перед своим соседом:

— Все вы дураки, работаете как черти. А я и вас перехитрил и Жоржика обставил, как хотел. Хо-хо...

— Отстань!—огрызается сосед.

— Долби, дурак, долби,—торжествуя, дразнится Пузырев и ловко, почти не сгибаясь, вынимает из пенала листок с решением.

Пока Пузырев рассматривает этот листок, что-то пишет и снова сует руки под парту, происходит страшная для Юры пауза. Он не спускает глаз с Георгия Владимировича.

Учитель опирается ладонями о парту, чтобы встать, но внезапно веревка опять шевелится. Юра в изнеможении грызет пальцы. Да! Пенал поехал обратно.

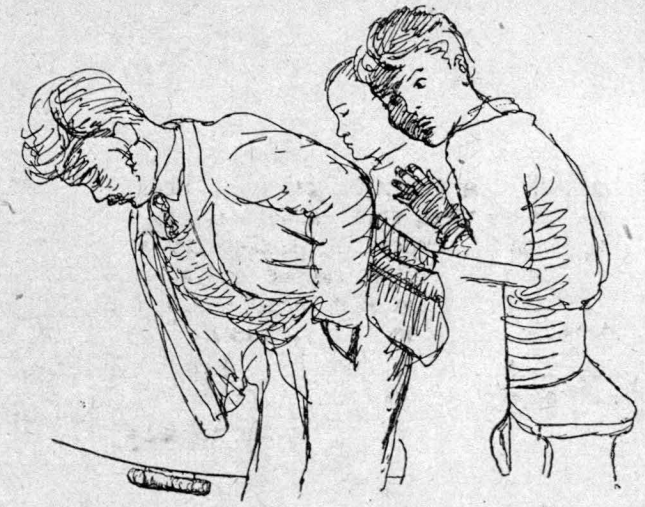
Пенал снова доезжает до Георгия Владимировича. Учитель нагибается, задерживает конвейер. Он вынимает из пенала новую записку и читает:

«Юрка, в последнем примере во второй строчке у тебя плюс или минус? А то я не разобрал».

Учитель на секунду задумывается. Он выдирает из тетради у Кати Морошкиной клочок бумаги и что-то пишет сам.

Юра обливается седьмым потом, а Пузырев, очевидно, считает, что его послание уже дошло до Юры, и спокойно ждет. Но вот Георгий Владимирович сунул свою записку в пенал и двигает его обратно к Пузыреву.

Опять остановка. Изо всех троих один только Георгий Владимирович смеет нагнуться и посмотреть, что случилось. И он это делает.



пенал, качаясь как челнок, проплыл мимо учителя...

— Шурыгин,—говорит учитель,—прими ногу. Ты наступил на веревку.

Весь класс оборачивается. Шурыгин, сидящий прямо перед Юрой, глянув вниз, послушно убирает ногу. Теперь и Пузырев покраснел как свекла. Юра опустил глаза.

— Пузырев,—продолжает Георгий Владимирович,— пускай же свой конвейер. Твоя эстафета на полпути.

Пузырев молчит. Ребята, сидевшие близко, начинают смеяться. Учитель говорит:

— Не хочешь? Ну, изволь, я сделаю за тебя.

И Георгий Владимирович действительно подвигает пенал к Коле. Потом он говорит строго:

— Вынь то, что в этом пенале, и прочитай вслух.

Пузырев не смеет ослушаться. Он, дрожа, извлекает записку... Георгия Владимировича. Задыхаясь, с паузами он читает:

«Пузырев, особенно можешь не стараться ни с последним примером, ни с первыми двумя: ты уже обеспечен неудом за эту работу. Передай Кириллову, что я удивляюсь его поступку. Г. Блинников».

Ребята недоуменно шепчутся. Кое-кто, поняв, смеется.

— Пузырев,—говорит учитель.—Ты долго придумывал этот механизм?

— Три часа,—лепечет Пузырев.—А с обвязкой пенала тряпками—четыре.

— Кириллов, а сколько времени ты учил формулы, необходимые для решения?

— Часа полтора.

Дружный раскат хохота.

— Садитесь оба.

Вся школа долго смеялась над заговорщиками. А Колю Пузырева целых два года называли «горе-конвейер» или Колька-«Форд», так как известно, что именно американский капиталист Форд первый применил на производстве конвейер.

В С Т Р Е Ч А

Ребята г. Харцызска встретили гостей (стоит в средине т. Фраерман, сидит справа т. Ивантер).

15 сентября 1933 г. в нашей, харцызской ФЗД им. Ворошилова (Донбасс) организовалась литбригада журнала «Пионер» из 16 ребят. За полгода своего существования бригада проделала немалую работу. До организации литбригады в нашей школе журнал «Пионер» выписывали 5 чел. На март текущего года сдана подписка на журнал «Пионер» в количестве 153 экз., а на 12 марта мы имеем уже 310 подписчиков на журнал на апрель. И к десятилетнему юбилею журнала «Пионер» (март 1934 г.) литбригада пришла с большими достижениями. Она широко знакомила ребят с журналом, число членов литбригады выросло с 16 чел. до 60. Проведено 3 конференции читателей «Пионера», где показывался при помощи волшебного фонаря киножурнал «Пионер», сделанный ребятами на диапозитивах, и т. д. И вот редакция журнала «Пионер» в день его десятилетия, отмечая большую работу литбригады с журналом, выехала к нам, в харцызскую ФЗД.

12 марта к нам приехали ответственный редактор журнала «Пионер» тов. Ивантер и писатель тов. Фраерман, автор книг «Вторая весна», «Никичен» и других рассказов.

В 5 часов вечера председатель литбригады открывает слет читателей журнала «Пионер».

Тов. Ивантер рассказывает о десятилетии журнала «Пионер», как он печатается, оформляется. Говорит о сотрудниках журнала писателях С. Григорьеве, Л. Кассиле, о том, как писатель Арк. Гайдар 14-ти лет ушел добровольцем в Красную армию. Рассказывал о докторе Звеновом, инженере Гидролюбове и о самом необыкновенном сотруднике журнала—Тут-Итаме и его спутниках Сене Чувильчикове и Яше Мамелюк.

Потом начинается общественный суд над журналом «Пионер». Активное участие приняли в нем ребята.

— Мы хотим, чтобы обложка журнала была гораздо лучше и красочнее,—говорит Коля Жмакин.

— Нам очень нравятся фотографии журнала и особенно «Необычайное происшествие под колпачком лампы»,— выступает Боря Рикунович.

Нюся Бидерман — общешкольный уполномоченный по подписке на журнал — рассказывает, как она работает с журналом.

На средине речи защитника журнала «Пионер» — председателя литбригады — в зале неожиданно зашумели. Вася Савченко и Миша Зайченко, горячо споря, подошли к столу с возгласами:

— Журнал плох! — говорит Вася.

— Нет, хорош! — утверждает Миша.

— Плох!

— Хорош!

— А знаешь ли ты о том, что бывает рыбный дождь? — спрашивает Миша.

Вася засмеялся.

— Врешь. Где ты об этом читал?

— В журнале «Пионер». Вот слушай.

И Миша читает выдержку из «Газеты обо всем» в журнале «Пионер» о том, как с неба падают рыбы. И еще—письмо Игоря Ильинского, как он стал артистом, и приключения необыкновенного Тут-Итама.

Сбитый со своих позиций, Вася убегает из зала и кричит: «Скорее подпишусь на журнал!»

После суда тов. Ивантер от имени редакции премировал лучших членов литбригады книгами В. Маяковского и Пушкина, а писатель Фраерман подарил литбригаде свою книгу «Никичен», рассказал, как он был красным партизаном и стал писателем, и прочел новый рассказ «Писатели приехали».

Рассказ всем очень понравился.

Потом члены литбригады читали свои стихи, рассказы, очерки. Тт. Ивантер и Фраерман тут же говорили, что в них хорошо и что плохо.

Ребята и гости впервые видели такую дружную теплую встречу.

В. Рудин.

ЦЕНА 25 КОП.

КОНКУРС ДОКТОРА ЗВЕНОВОГО

ЗДРАВСТВУЙ, ДОКТОР ЗВЕНОВОЙ

Я живу в Покровском-Стрешневе. Год назад здесь было поле. Сеяли овес, картофель и морковь. Их и сейчас сеют, только подальше. А на бывших полях стоят жолтые строящиеся корпуса нового рабочего городка. Достраиваются клуб, школа, фабрика-кухня, и вообще тут все ожило: разбиты газоны, рассажены деревья. Совсем не узнать прежних мест.

Деткор Красницкий

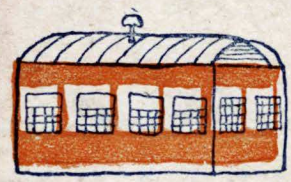
Я живу на площади Пушкина. Много домов выросло вокруг. Но особенно заметно выросло движение. То и дело шныряют автомобили, звенят трамваи и, наконец, важно движутся новенькие троллейбусы.

Гога Рогачевский.

Москва.

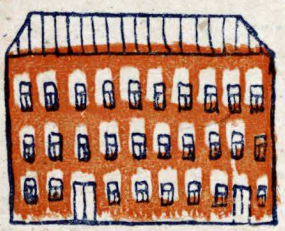
ЧТО ВЫРОСЛО В ДЕРЕВНЕ ЛАПТЕВЕ

Рисунки деткора Силяева



Это водокачка. Она построена в 1931 г. На ее месте раньше был огород.

Труба парового отопления. Ее построили в 1932 г.



Таких домов при заводе три, они построены в первой пятилетке.

Таких водонапорных башен в Лаптеве две. Их построили в 1931 г. На их месте был пустырь.

РАСТУТ ГОРОДА

Часто я бывал на нашей житомирской почте. Каждый день по 3—4 раза. Но вот настали каникулы, решил я поехать в Киев, погостить у своей тети.

По приезде домой я решил написать в «Пионерскую правду» о том, как провел каникулы. Взял я да написал письмо и пошел на почту его отправить. Подхожу к углу, где раньше стояла почта... Смотрю... И след простыл почты!

Сразу подумал, что за время пребывания в Киеве я уже забыл свой город. Но нет! Вот тут, напротив,— знакомый сельбуд. А тут, на углу, вместо старой почты стоит замечательный 4-этажный дом. Люди как муравьи шныряют туда-сюда. Тут я подошел к одному дяденьке и спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, где находится почта?» Он мне и отвечает: «Да ведь это и есть почта».

Вошел я в дом. Да, действительно почта. Только такая красивая: плиточный пол, везде стеклянные барьеры, совсем другая почта — красота! И таких домов за последние годы у нас в Житомире построено много.

Так большевики перестраивают старые, жалкие городишки в социалистические города.

Деткор *Л. Мильштейн.*

г. Житомир.

ИЗМЕНИЛАСЬ МАКЕЕВКА

В Макеевку я приехала в 1927 г. Мне было всего 10 лет. Отец записал меня в 3-ю группу. Быстро ознакомившись с новыми товарищами, я иду с ними в степь играть в мяч.

И вот теперь я учусь в 9-й группе, а на том месте, где когда-то мы играли в мяч, вырос громадный коксовый завод.

С 1927 г. на Макеевском заводе выросли 3 новых домны, и цехи Макеевского завода завоевывают все большую и большую площадь. Наряду с домнами повырастали рабочие дома, клубы, красные уголки. В таком новом уголке домны № 5 мы 21 января организовали художественный вечер.

Когда я приехала в Макеевку, то жила в тесной, маленькой квартирке в дряхлом домишке, а теперь наша квартира в большом четырехэтажном доме.

По 9-му проспекту вытянулись в две шеренги 16 таких же больших домов

Этот 9-й проспект — по нему я хожу каждый день в школу — изменился до неузнаваемости. Вместо старых домиков и лавчонок вытянулись большие здания горпарткома, госбанка, почты. Раньше, идя в школу, я часто встречала старух, идущих в церковь (только старухи по 90 лет), а сейчас в то же самое здание церкви валят комсомольцы в комсомольских штурмовках. Это инструктора-планеристы. А церковь — не церковь, а аэроклуб. Вокруг клуба вырос большой, молодой сквер.

Кино тоже из маленького домика выросло в красивое здание, куда мы так часто ходим коллективно.

Наша школа пока еще тесное, плохое здание, в котором много неудобств, но на днях она тоже будет хорошей школой, с уютными классами: во дворе уже лежат строительные материалы для постройки.

Деткор *Мая Майборода*

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

Сдан в набор 11/IV—34 г., подписан к печати 19/—34 г. Изд. № 490 Форма 1/16 62×94 см 1/16 б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—81484 Типография газеты „Правда", Москва, ул. Горького, 48. Заказ № 1323. Тираж 50.000